

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Институт германской, романской и славянской филологии
Отделение славянской филологии
Кафедра русского языка

**ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ
ЧЕЛОВЕКА, В РУССКОЙ И ЭСТОНСКОЙ
РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ**
(ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТИРОВАНИЯ РУССКО- И
ЭСТОНОЯЗЫЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ЭСТОНИИ)

Магистерская работа
студентки отделения славянской филологии
РИНЫ ПЕЙБОНЕН

Научный руководитель
лектор, научный сотрудник, PhD **А. В. ШТЕЙНГОЛЬД**

Тарту 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА И ПУТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ.....	7
1.1. МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО НОМИНАЦИИ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ.....	7
1.2. МЕСТО ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ЕЕ ОБРАЗНОСТИ	9
1.3. ГЛАВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ	13
1.4. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ.....	18
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКИХ И ЭСТОНСКИХ ЗООМОРФИЗМОВ.....	21
2.1. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА → ЗООМОРФИЗМ	25
2.2. ЗООМОРФИЗМ → ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА	51
2.3. ЗООМОРФИЗМЫ-ОБРАЩЕНИЯ.....	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	75
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	78
СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ	81
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	82
RESÜMEE	85

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая магистерская работа является продолжением бакалаврской работы автора («Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и эстонском языках»). Напомним, что зооморфная метафора (ЗМ), или зооморфизм¹ — это результат метафорического переноса, при котором свойства животного приписываются человеку или неодушевленному предмету. Целью бакалаврской работы было семантическое исследование и сопоставление состава зооморфизмов в двух неродственных языках (русском и эстонском), а также выявление механизмов метафорообразования на материале словарных наименований лиц. Рассмотренные зооморфные метафоры, находящие отражение в толковых словарях соответствующих языков, являются общеупотребительными, т. е. представляют собой факт языковой системы, причем очень важную ее составляющую: «Практически очень многие, а потенциально все зоонимы, могут быть использованы как «второе название» человека (реже — другого животного или предмета), характеризующее его как носителя тех или иных качеств, ассоциируемых данным языковым коллективом с тем или иным животным» [Литвин 1983: 85].

Проведенный ранее анализ ЗМ подтвердил высокую степень распространенности ЗМ в лексической системе обоих языков. Именно перенос имени с животного на человека воспринимается носителями русского и эстонского языков как самый естественный способ экспрессивной номинации. Этот вывод был сделан исключительно на материале следующих словарей: «Словаря современного русского литературного языка», «Большого академического словаря русского языка» [БАС₁, БАС₂] и эстоноязычного словаря «Eesti keele seletussõnaraamat» [EKSS]. Всего было собрано 178 зооморфизма, из них 93 русских и 85 эстонских. Однако, как показали наши предварительные наблюдения, словарные материалы не в состоянии отразить всю полноту лексического материала, постоянно насыщающего русскую и эстонскую разговорную речь. Опираясь на данные словарей, невозможно судить о том,

¹ На протяжении всего изложения термины «зооморфная метафора» и «зооморфизм» будут употребляться как полные синонимы. Данными терминами пользуются такие исследователи, как Г. Н. Складневская, Н. В. Солнцева и И. Устуньер.

насколько зооморфизмы распространены в современной разговорной речи обоих языков, каков состав этой лексико-семантической группы, какими особенностями семантики и контекстуально-ситуативного употребления они обладают. Именно поэтому проведенное ранее исследование показалось нам не достаточно полным и законченным. На магистерском этапе было решено проследить, как подобные единицы языка функционируют в разговорной речи, каков тематический состав этих групп и каково их семантическое своеобразие, в чем сходство/расхождение со словарными данными.

С этой целью был проведен лингвистический эксперимент в форме анкетирования среди русскоязычных и эстоноязычных жителей Эстонии, проживающих в Тарту, Нарве и Выру. Его результаты отражены в Главе 2 настоящей работы.

После проведения эксперимента было необходимо решить следующие конкретные задачи:

1. расклассифицировать анкеты по полу и возрасту респондентов;
2. сопоставить состав и объем выявленной на основе опроса лексико-семантической группы *зооморфизмов-характеристик* с составом и объемом аналогичной группы, полученной по данным толковых словарей;
3. выявить более актуальные и менее актуальные для респондентов *зооморфизмы-характеристики* (в том числе и окказиональные);
4. установить, какие характеристики (в первой части анкеты даны в виде списка имен прилагательных) вызывают в сознании носителей языка ассоциации с теми или иными зооморфизмами;
5. выяснить, как участники опроса семантизируют те или иные *зооморфизмы-характеристики* (т. е. какие определения они для них предлагают);
6. сопоставить состав группы *зооморфизмов-обращений*, выявленных по результатам опроса, с аналогичной лексико-семантической группой, устанавливаемой по словарям;
7. выявить более актуальные и менее актуальные для респондентов *зооморфизмы-обращения* (в том числе и окказиональные);
8. расклассифицировать *зооморфизмы-обращения* в зависимости от их образно-семантической мотивации;

9. выявить, какие словообразовательные средства участвуют в образовании *зооморфизмов-обращений*;

10. провести подытоживающие статистические подсчеты.

Использованные выше термины *зооморфизмы-характеристики* и *зооморфизмы-обращения* были введены нами, чтобы разграничить два близких языковых феномена. Все зооморфизмы, указывающие на человека, являются яркими эмоционально-оценочными образованиями. Среди них выделяются те, которые преимущественно выполняют характеризующую функцию (они не столько называют человека, сколько описывают и выражают отношение к нему говорящего), — это в нашем случае *зооморфизмы-характеристики*; и те, которые называют (выполняя также фатическую функцию), в какой-то степени характеризуют, но в наибольшей степени выражают отношение говорящего к адресату, — их мы называем *зооморфизмами-обращениями*.

Структурно работа состоит из введения, двух глав и заключения. Первая глава посвящена вопросам теоретического изучения метафоры в целом, а также зооморфной метафоры в частности. Особое внимание уделяется научному описанию метафоры как средства номинации и создания образности, отдельно рассматривается вопрос о ее функционально-стилистической значимости (эмоциональность, экспрессивность, оценочность ЗМ) и коротко излагаются замечания о ее прагматическом использовании. Вторая глава является практической, т. е. в ней изучаются ответы респондентов, демонстрируются примеры, в конце каждой подглавы приводятся текущие выводы. В «Заключении» представлены обобщенные выводы по всей работе. В конце работы имеется Приложение, в котором приводится анкета, проведенная в русской и эстонской группах.

Мы понимаем, что фактические обобщения, нашедшие отражение в настоящей работе и касающиеся русского языка, в большей степени относятся к функционированию русского языка среди жителей диаспоры, нежели характеризуют бытование русского языка на всем его географическом пространстве. Однако даже если выявленные особенности семантики и прагматики зооморфизмов являются региональными, они служат сигналом тенденций, характерных для развития всей системы общенационального русского языка.

При анализе метафорических единиц использовались следующие методы: метод синхронного описания лексического материала (отдельно по двум языкам), сопоставительный — для выявления сходств и различий между двумя неродственными языками. Ограниченно применялся статистический метод.

ГЛАВА 1. ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРА И ПУТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

1.1. МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО НОМИНАЦИИ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Метафора — троп или фигура речи, употребление слова, обозначающего некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого, сходного с данным класса объектов или индивида, напр., *Собакевич — настоящий медведь*. Расширительно метафора — любой вид использования слов в переносном значении [Арутюнова 1997: 233].

Метафора действует там, где возможно образное отождествление двух различных объектов. Таким образом, метафора может включать человека или предмет в категорию, к которой они не могут быть отнесены на рациональном основании. Она отражает специфику национального восприятия действительности и является универсальным языковым механизмом, позволяющим обозначить незнакомое через уже освоенное, т. е. выполняет задачу номинации.

В подавляющем большинстве случаев антропоцентрические метафорические наименования не столько служат целям называния нового объекта, сколько выполняют образную, характеризующую функцию. В предложении они занимают позицию предиката, а стилистически являются эмоционально окрашенными лексемами.

В лингвистике имеется множество разных классификаций метафор, вычленяющих разные аспекты данного тропа и особенности его лингвистического бытования. Мы же здесь приведем только две классификации, указывающие на место зооморфизмов в теории метафоры.

Начнем с более общей классификации, где выделяются два главных типа метафоры — языковая (ЯМ) и художественная (ХМ). «ЯМ представляет собой готовый элемент лексики, такую метафору не нужно каждый раз создавать, «делать» — ее берут готовой и употребляют в речи» [Скляревская 2004: 34]. ХМ не имеет такой лексической самостоятельности — она не может свободно вступать в семантические связи и реализоваться в разнообразных лексических окружениях. ХМ всегда связана с контекстом. Без последнего не может быть

определена ее семантическая сущность [там же: 38]. ЯМ может быть заменена своим семантическим эквивалентом, не причиняя при этом ущерба для самого смысла высказывания (ср.: *песня льется* – *песня звучит*). В ХМ это невозможно. При произведении замены нам пришлось бы разрушить само высказывание [там же: 37].

Между ЯМ и ХМ наблюдаются «глубокие различия принципиального характера. ЯМ имеет системный характер, объективна (отражает коллективные предметно-логические связи), выполняет коммуникативную функцию, «анонимна», воспроизводима. ХМ внесистемна, субъективна (отражает индивидуальный взгляд на мир), выполняет эстетическую функцию, сохраняет «авторство», обладает максимальной синтагматической обусловленностью, уникальна, невоспроизводима» [там же: 40].

Поскольку в настоящей работе анализируется языковая метафора, остановимся на классификации ЯМ, предложенной Г. Н. Складневской:

1. мотивированная ЯМ: такой метафоре присуща прозрачность, логическая очевидность, эксплицитно существующая сема, связывающая метафорическое значение с исходным. Механизм образования такой метафоры очевиден: ср. *калейдоскоп* – быстрая смена мелькающих образов, лиц, событий;
2. синкретическая ЯМ: образуется в результате смешения чувственных восприятий: ср. *сладкий чай* – *сладкая мелодия* (акустическое ощущение подменяется вкусовым);
3. ассоциативная ЯМ: базируется на способности сознания отыскивать аналогии между любыми объектами действительности.

Сам автор считает свою классификацию условной, т. к. «четко отграничить один вид ЯМ от другого не всегда представляется возможным — этому препятствуют неустойчивый и подвижный характер символа метафоры» [Складневская 2004: 53–70]. Для нас же эта классификация важна, т. к. можно предположить, что при метафоризации человек исходит из своих ассоциаций, сопровождающих исходное значение, точнее, сам денотат.

Теперь приведем классификацию Н. Д. Арутюновой, которая выделяет следующие типы ЯМ в зависимости от ее функции (в широком смысле):

1. номинативная метафора — одно дескриптивное значение заменяется другим (*глазное яблоко*, *нос лодки*);

2. образная метафора — переход идентифицирующего (дескриптного) значения в предикатное (*мартышка* ‘о некрасивом человеке’, *пуганая ворона* ‘о крайне боязливом, трусливом человеке’);
3. когнитивная метафора — возникающая в результате сдвига в сочетаемости предикатных (признаковых) слов (любовь *потухла/угасла/смокла/умерла* — об утрате чувства любви);
4. генерализирующая метафора — стирающая в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение логической полисемии; конечный результат когнитивной метафоры (*яркие чувства, блестящие результаты*) [Арутюнова 1998: 366].

Также Н. Д. Арутюнова указывает на то, что «во всех случаях рано или поздно метафора исчезает. Наименее устойчива номинативная и генерализирующая метафора, несколько большую стойкость проявляет метафора когнитивная, наиболее устойчива образная метафора. <...> Переход метафоры к осуществлению вторичной для нее функции номинализации исключает семантическую двуплановость, т. е. ведет в конечном счете к гибели метафоры» [там же]. Следовательно, если исходить из выводов автора, следует признать, что зооморфная метафора, относящаяся к типу образной метафоры, достаточно устойчива и в большинстве случаев явно ощущается как переносное употребление слова. С другой стороны, несмотря на то, что зооморфная метафора достаточно устойчива, она проявляет одновременно и тенденцию к постоянному обновлению.

Из приведенных двух классификаций следует, что зооморфная метафора, во-первых, относится к языковой метафоре, а во-вторых, является частью образной метафоры.

1.2. МЕСТО ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ЕЕ ОБРАЗНОСТИ

Как уже было сказано во Введении, зооморфная метафора (ЗМ), или зооморфизм — это результат метафорического переноса, при котором свойства животного приписываются человеку или неодушевленному предмету. В функции зооморфизмов могут выступать различные зоонимы: названия зверей, пресмыкающихся, насекомых, птиц и рыб в их первичном значении.

Использование зооморфизмов — это не уникальное языковое явление. Однако одни и те же зоонимы в разных языках могут характеризовать совершенно разные человеческие качества, иногда даже противоположные. Так, напр., *обезьяна* в русском языке обозначает ‘человека, который подражает другим или передразнивает других’, в то время как во французском языке этим же зоонимом называют ‘хитрого, лукавого, способного обмануть человека’.

«Действительно, люди, принадлежащие к разным этносам, по-своему анализируют поведение животных. Всякое животное имеет специфические черты, повадки, которые человек не может не заметить, или которые он изучил в долгом процессе общения с животными. В этом случае один народ найдет эти черты и повадки привлекательными, другой неприятными; носитель одного языка выберет за основу для переноса внешний вид животного, носитель другого — поведение, а третий не будет переосмысливать данный зооним вообще, так как ему особенности данного животного не покажутся заслуживающими внимания» [Солнцева 2004: 60].

Мы соглашались с мнением Т. Трояновой, что «сопоставление человека с представителем животного мира, т. е. с другим одушевленным существом, кажется носителю языка естественным и логичным», что и является причиной такого обширного и частотного метафорического процесса [Троянова 2003: 70].

Метафора, основанная на переносе с животного на предмет, бывает двух типов:

1. *номинативная метафора* (собственно перенос названия), состоящая в замене одного значения другим и служащая источником омонимии (напр., *журавль* ‘колодец’, *утка* ‘ложная сенсация’ и др.) [Арутюнова 1998: 366]. Этот тип метафоры не характеризует человека и поэтому лежит за пределами настоящего рассмотрения.
2. *образная метафора* — рождается вследствие перехода идентифицирующего значения в предикатное и служит развитию фигуральных значений и синонимических средств языка (напр., *корова* — о неповоротливой женщине, *бревно* — о грубом, бесчувственном человеке, *дуб* — о тупом, глупом человеке) [там же]. Именно такая метафора, характеризующая человека, оказалась в центре нашего внимания.

Образные зооморфные метафоры по своей структуре являются синтаксически обусловленными, используются в речи как характеризующие имена, обращения и ругательства с разной степенью выраженности иронии, неодобрения, презрения (напр.: *О, голубка моя!*; *Она еще та змея!*; *Ну ты и медведь!*). В их семантике преобладает эмоционально-оценочный признак, а это, по мнению Г. Н. Складневской, наиболее сильный экспрессивный способ выражения в речи, направленный на резкое снижение адресата и обладающий неодобрительной оценкой [Складневская 2004: 98].

«Языковые метафоры пейоративной оценки обнаруживают большое семантическое разнообразие. Отрицательно оцениваются пороки (глупость, равнодушие, жестокость и т. п.), неблагоприятное, недостойное поведение (притворство и т. п.), низкое общественное положение, а также некоторые физические и психологические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но обладающие избыточностью, чрезмерным проявлением (чрезмерная худоба, полнота, высокий рост и т. п.)» [там же: 111].

В большинстве случаев «отрицательно-оценочная зооморфная номинация касается, прежде всего, тех черт характера, поведения, интеллекта человека, которые «уподобляют» его животному, низводят человеческое достоинство до уровня животного» [Устуньер 2004: 150].

Правильно утверждает В. М. Мокиенко, что «самые обидные характеристики люди выбирают из числа названий домашних животных, покорно и преданно служащих человеку тысячелетия. Наверное, самые существенные недостатки лучше всего познаются тогда, когда с живым существом — безразлично, животным или человеком, — живешь и трудишься бок о бок» [Мокиенко 2008: 108].

Г. Н. Складневская подчеркивает, что иногда в процессе метафоризации может участвовать какой-то конкретный признак. Этот признак «лежит на поверхности, легко вычленяется и эксплицитно привязывает метафорическое значение к исходному» [Складневская 2004: 50]. Ср., напр., в зооморфизме *медведь* таким эксплицитным признаком метафоризации будет сема 'неуклюжий'.

Легко вычленить признак переносного наименования только в тех случаях, когда в процессе метафоризации лежат обычные для носителей данного языка признаки животных. Таким образом, для большинства людей *слон* ассоциируется с высоким ростом и толщиной, а *козявка* — с малым размером.

«В других случаях в основе метафоризации лежит не конкретный признак, который можно выделить и обозначить, а некое общее или сходное впечатление, производимое сопоставляемыми предметами. По этому принципу создаются целые ряды метафорической лексики, в частности многие экспрессивные наименования-характеристики человека. Называя человека подобным именем, мы часто не имеем в виду какое-либо одно конкретное свойство, а отражаем общее, часто не поддающееся точному определению впечатление (которое только в словаре расчленяется на частные признаки и ассоциации) [там же: 50–51]. Напр., *выдра* — непривлекательная, обычно худая, также злобная; *индюк* — глупый, заносчивый, надменный; *теленки* — безответный, глупый, обычно молчаливый.

«Одни [из признаков метафоризации] репрезентируют некие объективно присущие предмету признаки, которые, не находя отражения в денотативном содержании исходного значения, тем не менее хорошо известны всем членам языкового коллектива. Другой тип ассоциаций отражает некое общее психологическое впечатление, складывающееся под влиянием сходных воздействий на органы чувств» [там же: 61]. Для того, чтобы правильно понять или угадать смысл ЗМ, нужно знать определенные пресуппозиции, которыми могут являться повадки, нравы или внешность животных.

Г. Н. Складская выделяет два типа ассоциаций, занимающих видное место при формировании ЗМ, — признаковую и психологическую. В первом случае признак не содержится в семантической структуре исходного значения, но легко угадывается: *хлев* — о грязном, запущенном помещении. Во втором случае «признак не только не является существенным для исходного понятия, но нередко вообще не входит в его смысловую характеристику» [Складская 2004: 61, 65]. Это мы можем наблюдать на примере формирования зооморфизма *паук*. Комплекс сем, образующих новое значение, не имеет ничего общего с их исходным набором. Ср.: *паук* — 1. членистоногое животное с ядовитыми железами, обычно плетущее паутину, в которую ловит мелких животных, служащих ему пищей; 2. *разг.* о жестоком человеке, эксплуатирующем чужой труд, вымогающем у другого последнее достояние [БАС₁ IX: 310].

Из всего сказанного следует, что ЗМ относится к типу образной метафоры и в ее семантику входят, прежде всего, эмоциональный, экспрессивный и оценочный компоненты. В ней содержится информация об оценке говорящего и о

его отношении (напр., презрение, пренебрежение или уважение, восхищение) к обозначаемому классу объектов.

1.3. ГЛАВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ

В современной лингвистике «исследование языковых процессов протекает в неразрывной связи с потребностями коммуникативной деятельности и предполагает учет именно человеческого фактора, когда субъект речи и ее реципиент включается в описание языковых механизмов» [Телия 1991: 36]. Человек как языковая личность, со своими «чувствами и состояниями, мыслями и словами, поступками и эмоциями» [Маслова 2001: 131] оказывается в центре современных лингвистических исследований именно потому, что «язык пронизан субъективностью» [Шаховский 2007: 6], которую он сам создает.

В. А. Маслова включает в содержание языковой личности следующие компоненты: 1) ценностный, в котором посредством языка отражается взгляд на мир и образуется тот языковой образ мира, который формирует национальный характер; 2) культурологический, способствующий адекватному употреблению фактов культуры и эффективному воздействию на собеседника; 3) личностный, т. е. то индивидуальное, что есть в каждом из нас [Маслова 2001: 119].

Всех языковых личностей разных культур и народов объединяет то, что «все они испытывают универсальные эмоции: гнев, радость, страх, счастье, горе, ненависть и др. Однако распределение этих универсальных эмоций, их интенсивность, акцентирование в речевых актах различно как на уровне языковой личности, так и на национально-культурном уровне» [Шаховский 2008: 46].

Известный исследователь эмотивной семантики языка В. И. Шаховский утверждает также, что «эмоции сегодня в моде. Они охватили все коммуникативное пространство Homo loquens: СМИ, политику, бытовое и художественное общение. Эмоции стали важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к любой лингвокультуре» [там же: 5].

Такого же мнения придерживается и Н. В. Аванесова, подчеркивая заметное выражение эмоций во всех сферах современной жизни [Аванесова 2010: 5]. В качестве одной из причин этого явления она выдвигает свободу и

эмоциональное раскрепощение человека, который «перестал бояться открыто выражать свои эмоции, как в языковой форме, так и внеязыковой» [там же].

Таким образом, «мнение Э. Сепира о том, что эмоции не представляют никакого интереса для лингвистики, так как их элементы не являются составляющими семантики слова и не присущи самому слову, для современной науки устарело и не актуально» [там же].

«Действительно, язык служит прежде всего для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для межпоколенной трансляции, но все эти процессы не могут не сопровождаться чувствованиями, переживаниями, желаниями и потому не могут не учитываться лингвистикой» [Шаховский 2008: 13].

Следовательно, человек употребляет слова не только для выражения мыслей, но и для выражения и вызывания эмоций [Шаховский 2007: 7]. Последние могут выражаться большим количеством разных слов. Все они — «слова характеристики, которые выражают эмоциональное отношение к человеку, явлению, факту» [Галкина-Федорук 1958: 105]. Напр., мы можем негативно назвать человека *тварью, подлецом, ничтожеством* или обращаясь к любимому человеку, назвать его *котёнком, солнцем, прелестью* и т. д.

Взгляд на мир может быть «отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян 1995: 39].

На эстонском языковом материале эмоциональную лексику исследовали Э. Вайник, Ю. Аллик, Э. Вески, М. Лаур, Л. Кястик и др. В наибольшей степени данной тематике посвящает свои работы Э. Вайник.

В своей магистерской работе «Eestlaste emotsioonisõnavara» исследовательница утверждает, что в эстонском языке для выражения эмоционального опыта есть лексические средства, которые обычно именуется экспрессивами [Vainik 2001: 96]. К экспрессивам автор относит бранную, пренебрежительную, пейоративную, а также ласкательную лексику. Данного рода лексика направлена на положительное или отрицательное эмоциональное воздействие на адресата [Vainik 2012: 652]. Переносные языковые употребления, несомненно, связаны с экспрессивной функцией языка. Образные выражения (в нашем случае зооморфизмы) свидетельствуют об эмоциях говорящего [там же: 649]. Исследовательница также считает, что эмоциональная и экспрессивная

лексика является в равной степени и оценочной. По всей видимости, эмоция и оценка могут являться либо положительными, либо отрицательными [там же: 650–651].

Эмоциональная лексика, по мнению другого эстонского ученого Ю. Аллика, очень определена по своему «настроению». Все эмоции можно разделить на положительные и отрицательные. Какую-либо эмоцию можно выразить только при условии ее отнесения к кругу положительных или отрицательных чувств [Allik 1997: 150].

Этот же ученый полагает, что разделение эмоциональной лексики на положительную и отрицательную является универсальным языковым явлением и не зависит от национальных особенностей языка и культуры [там же: 149].

Возникает вопрос о том, лексика какого полюса доминирует в языке. В. И. Шаховский придерживается мнения, что лексика отрицательной оценки является преобладающей в любом языке. Ученый объясняет это тем, что «все хорошее считается нормой, а отклонения от нее в сторону полюса отрицательной оценки имеет разнообразную гамму проявления» [Шаховский 2008: 103]. Возможно поэтому и в зооморфной лексике преобладают метафоры с отрицательной оценкой. С другой стороны, как будет показано в Главе 2, зооморфизмы-обращения «склонны» к передаче сугубо положительной оценки.

Известно, что лексическое значение может включать разного рода дополнительные значения, т. е. коннотации, «закрывающие в себе содержательные и/или стилистические (эмоциональные, оценочные и экспрессивные) компоненты значения слова» [СовРЯ: 184].

Очень часто в современной лингвистике смешиваются все эти три составляющие: «Синонимичное употребление терминов «эмоционально-экспрессивный», «экспрессивно-эмоциональный», «экспрессивно-эмоционально-оценочный» (с разной последовательностью трех компонентов) указывает на отсутствие разграничения разных понятий, стоящих за ними» [Шаховский 2007: 21].

Рассмотрим все три коннотативных компонента по отдельности.

1. *Эмоциональность*

Эмоциональная коннотация связана с эмоциями. «Выразить эмоцию — значит как-то охарактеризовать отражаемый объект, показать свое эмоциональное отношение к нему» [Шаховский 2008: 67]. Другими словами, «эмоциональная

коннотация связана с выражением чувств, волевых побуждений, чувственных или интеллектуальных сравнений — отношения к действительности» [СовРЯ: 187]. Человек пользуется т. н. эмоциональной лексикой только в случае, когда он находится в необычном состоянии духа.

«Любая осмысленная эмоция есть, прежде всего, отношение, т. е. оценка, а эмоция возникает только при оценивающем мотиве» [Шаховский 2008: 67]. Таким образом, «эмоциональность, связываемая с чувствами человека, и оценочность неразрывно связаны. Положительное отношение к чему-либо может быть передано через положительную эмоцию: одобрительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное и др. Отрицательное отношение передается негативной эмоцией: неодобрительное, пренебрежительное, презрительное и т. д.» [СовРЯ: 330–331].

2. Экспрессивность

Экспрессивная коннотация является изобразительностью и выразительностью, т. е. она «связана с особым подчеркиванием, «выдвижением» образа единицы и увеличением воздействия на читающего (слушающего)» [СовРЯ: 330]. «Все, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей, является экспрессией речи» [Галкина-Федорук 1958: 107]. Так, ласковое обращение *зайчонок*, приобретает свою экспрессию за счет наличия в этом слове деминутивного суффикса *-онок*.

Как утверждает Е. М. Галкина-Федорук, «в лингвистических работах понятия *эмоциональный* и *экспрессивный* часто смешиваются» [там же: 106]. «Необходимость различать экспрессивные и эмоциональные элементы в языке диктуется тем, что функциональные задачи у них разные, несмотря на их взаимосвязь. Эмоциональное стоит в одном ряду с интеллектуальным и волевым, и каждое находит свои способы выражения в языке. Экспрессия, экспрессивность может пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное и волевое в их проявлении. Поэтому экспрессивность гораздо шире эмоциональности в языке» [там же: 107].

Н. В. Аванесова считает необходимым признать, что «эмоциональность является частью экспрессивности, то есть она всегда экспрессивна, в то время как экспрессивность не обязательно эмоциональна, то есть экспрессивность всегда выражает чувства говорящего по отношению к субъекту или явлению действительности. При этом экспрессивность речи означает ее необычность,

выделение целого текста или его части на фоне нейтрального языкового окружения путем использования лексических, фонетических, грамматических или стилистических средств и, следовательно, способствующего положительной или отрицательной оценке данного текста (или его части) получателем, ибо воздействует на его эмоциональную сферу» [Аванесова 2010: 8–9].

3. *Оценочность*

Н. В. Солнцева указывает, что в языке оценка «представлена двумя типами — общей и частной. Общеоценочное значение зооморфизмов соотносится с понятиями «отрицательный» и «положительный». Общая оценка складывается из частных оценок. Характеристика лица, передаваемая зооморфизмами, связывается со следующими частными оценками: нормативной, утилитарной, эстетической, этической, эмоциональной, интеллектуальной» [Солнцева 2004: 47].

Е. М. Вольф, делая акцент на экспрессивности и оценочности, полагает, что цель ЗМ — «приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, т. к. перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия животных оценки не содержат, но соответствующие признаки, если они относятся к человеку, почти всегда приобретают оценочные смыслы, приписывая человеку этические, психические или социальные свойства, поведенческие характеристики» [Вольф 1988: 59].

Причиной эмоциональной оценки может оказаться целый комплекс признаков: сам признак предмета, социальная оценка этого предмета, а также образ, возникающий в сознании говорящего при характеристике данного предмета [Лукьянова 1991: 160]. Напр., внешний признак *коровы* — ее крупное туловище дает основание для называния этим же зоонимом толстую женщину и т. д.

В итоге, все три термина можно «связать» следующим образом: называя предмет, говорящий обозначает к нему свое отношение [*оценка*], одновременно с этим он показывает свое психическое состояние [*эмоция*], и, кроме этого, лексической единице языка придается стилистический статус [*экспрессия*] [Шаховский 2008: 84]. Эту взаимосвязь понятий легко показать опять же на примере ласкового обращения *рыбонька*, используя которое говорящий выражает свое положительное или даже фамильярное отношение к собеседнику, тем самым

показывает свое положительное состояние, эмоцию, и, кроме этого, деминутивный суффикс *-оньк* придает слову экспрессию.

Мы увидели, что понятия *эмоциональность*, *экспрессивность* и *оценочность* имеют функциональные различия, но в то же время тесно связаны между собой, что и приводит к их синонимичному употреблению.

1.4. ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ

Зооморфная лексика становится в речи чрезвычайно активной и ее объем постоянно расширяется. Преимущественно ЗМ употребительны в разговорной речи, а это значит, что языковые единицы для общения отбираются разговорные, зачастую бранные, а иногда и просторечные, чтобы как можно ярче выразить свои чувства и отношение к объекту речи.

Особенностями речевого общения являются следующие его признаки: «речевая небрежность, опрошенность, широкая вариативность, проявление языковой экономии (различные семантические стяжения, усечения и т. п.), наличие субъективной оценки, эмоциональных наслоений, повышение экспрессивности и т. п.» [Ухова 2001]. Все это тесно связано с экстралингвистическими и человеческими факторами. К числу последних, в наибольшей степени определяющих характер речевого общения, В. В. Богданов относит, напр., следующие: 1) социально-культурный статус (социальная принадлежность, профессия, культурные нормы и обычаи, уровень образования, место жительства, семейное положение), 2) биолого-физиологические данные (пол, возраст, состояние здоровья, наличие или отсутствие физических недостатков), 3) психологический тип (темперамент, интровертная или экстравертная ориентация, элементы патологии), 4) текущее психологическое состояние (настроение, актуальные для настоящего момента знания, цели и интересы), 5) степень знакомства коммуникантов, 6) внешний вид (одежда, манеры) и др. [Богданов 1990: 28–29].

Напр., довольно сомнительно, что лица, занимающие высокое общественное положение, при разногласиях начнут употреблять в адрес друг друга бранные слова типа: *гадюка*, *козел*, *кобыла* и т. п., или мало знакомые

собеседники или люди, находящиеся в официальной ситуации общения, начнут обращаться друг к другу, используя слова *голубчик, зайка, котик* и т. п.

Как правильно замечает В. В. Богданов, пол, возраст, настроение и даже внешний вид могут повлиять на выбор лексики при общении. Напр., скорее всего, только находясь в плохом настроении, человек начнет использовать оскорбительные слова типа *корова, свинья, собака* и т. п. или только, если собеседник, действительно, кажется хитрым, то говорящий назовет его *лисой*.

Одной из самых главных причин употребления данной лексики является то, что эмоционально «заряженные» слова «сообщают о душевном волнении говорящего, передают некую эмоциональную информацию (одновременно с фактуальной или независимо от нее), вызывают ответную эмоциональную реакцию» [Шаховский 2008: 56]. Напр., именуя человека *бараном*, говорящий указывает собеседнику на его упрямство, но также демонстрирует и свои эмоции, т. е. то, что он неспокоен, зол и т. п. Подобная ситуация, скорее всего, вызовет и ответную реакцию, которая окажется не менее эмоциональной. Напр., слушающий может в ответ назвать собеседника *козлом*, тем самым также выразив свое раздражение, т. е. тоже эмоцию.

Важно отметить, что выражение своих эмоций «всегда является намеренным, даже если оно, на первый взгляд, и спонтанно: ведь в любом случае мотивы [слова, выражающие эмоции говорящего — Р. П.] отбираются на сознательном или подсознательном уровнях. Все это зависит от скорости их осмысления, которое может быть и незаметным для коммуникантов, находящихся в состоянии сильной эмоциональной напряженности» [там же: 65]. Напр., вероятнее всего мы не назовем сильного человека *мышью*, а выберем для номинации более мощное животное, напр., *медведь, лев* и др. Именно это и показывает, что человек в процессе порождения речи производит отбор лексики на сознательном или подсознательном уровнях.

Не маловажно, что при употреблении зооморфизмов для говорящего оказывается наиболее значимым не то, что эти имена конкретно называют в неметафорическом смысле, а то, что они коннотируют (т. е. со-обозначают) [Гридина 1996: 51]. Называя человека любым зооморфизмом, говорящий, в первую очередь, оценивает собеседника, выражает к нему свое отношение, вызывает его ответную реакцию и т. п.

Стремление оригинально, по-новому обозначить какие-либо предметы является также одной из причин столь активного использования зооморфизмов в речи [Шаховский 2008: 90]. «В абсолютном большинстве случаев все слова с эмотивным значением имеют логические корреляты (это и слова, и описательные словосочетания, передающие те же понятия)» [там же: 65]. Напр., *Ах, ты змея!* и *Ты меня подставила/обманула*. Без всякого сомнения, первое предложение окажется более эмоциональным, ярким, содержательным и т. д.

Таким образом, зооморфизмы относятся к выразительной лексике, значение которых в том числе составляют эмоциональные, оценочные и экспрессивные компоненты. На примере зооморфных номинаций «особенно четко видна роль психики и ассоциативных приемов в процессе речепорождения» [там же: 90]. С помощью этого типа образной метафоры человек может коротко, но в то же время ярко выразить свое душевное состояние. Именно поэтому зооморфизмы становятся столь популярными, и их количество увеличивается за счет того, что разные эмоции вызывают у человека ассоциации с разными животными.

Благодаря зооморфным метафорам, язык обретает лексику, характеризующую человека с абсолютно разных сторон. В большинстве случаев мы имеем дело с пейоративными характеристиками. В меньшем количестве употребляются зооморфизмы с положительной оценкой (*волк/hunt, орел/kotkas, лев/lõvi, нава, кит, зубр, pull, sõnn* {бык} и др.), и зачастую к ним относятся слова, употребляемые как ласкательные. Объектом их адресации, в основном, являются дети, девушки, женщины (*голубка/tuvikene, львица, птаха/пташка, linnukene* {птичка}, *hiirekene* {мышка}, *tallekene* {ягнёночек}).

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКИХ И ЭСТОНСКИХ ЗООМОРФИЗМОВ

Как уже отмечалось в первой главе, образная метафора никогда не бывает нейтральной, но она всегда создает экспрессивный эффект [Телия 1988: 198]. И. А. Стернин называет такого рода экспрессивность смысловой экспрессией, т. е. экспрессивность зооморфизмов-характеристик достигается за счет необычных сем, участвующих в метафоризации [Стернин 1987: 133–134]. Кроме экспрессивности, все зооморфизмы обладают яркой оценочностью, воздействуя, таким образом, на адресата речи. Оценка может быть одобрительной или неодобрительной. У одних и тех же зооморфизмов со временем она может меняться.

В результате указанных причин зооморфная метафора постоянно подвержена изменению: часть единиц проникает в метафорический словарь, часть из него уходит. Данные процессы циркуляции лексики не всегда отражаются лексикографическими источниками. Фиксировать эти изменения очень сложно, поскольку они очень скоротечны. Для этого надо постоянно анализировать разговорные тексты. Однако можно провести и лингвистический эксперимент, предложив участникам опроса самим подобрать зооморфизмы к определенным характеристикам, или же, напротив, истолковать известные зооморфизмы. Исходя из задач, указанных ниже, нами была составлена анкета и проведен опрос среди русско- и эстоноговорящих жителей Эстонии.

Наша анкета состояла из трех частей (см. Приложение). В первой части были заданы 10 характеристик человека, и каждый из участников опроса должен был написать, какое наименование животного он бы употребил по отношению к человеку, напр., *злomu*, *сильному*, *некрасивому*, *опытному* и т. д. Во второй части анкеты была предложена обратная ситуация: приводились 10 зооморфизмов, и респонденты должны были описать, какого человека можно назвать, напр., *крысой*, *рыбой*, *свиньей*, *зайцем* и т. д. Третья часть была посвящена зооморфным ласковым обращениям, и нужно было написать, как можно ласково обратиться к лицам женского и мужского пола.

Конечно, в идеале нам бы хотелось получить комментарий ко всем извлеченным из словарей единицам, но в этом случае анкета получилась бы слишком большой, а ее заполнение было бы трудоемким, поэтому, как уже сказано выше, нам сознательно пришлось прибегнуть к ограничениям.

Главной целью настоящего исследования было сопоставить состав и объем выявленной на основе опроса лексико-семантической группы зооморфизмов-характеристик с составом и объемом аналогичной группы, полученной по данным толковых словарей («Большого академического словаря русского языка» [БАС₂], «Словаря современного русского литературного языка» [БАС₁], «Eesti keele seletussõnaraamat» [EKSS]). Предполагалось также, что такого рода исследование сможет показать, какие животные в разговорной речи соотносятся с эталонными представлениями о хитрости, глупости, неуклюжести и т. д. Еще одной из главных задач было установить объем ласковых обращений, которые слабо фиксируются словарями, но которые очень частотны в обыденном общении. Ранее, изучая зооморфизмы только по словарям, мы не смогли сделать никаких конкретных выводов, относительно их образования и употребления в повседневной речи.

Что касается отбора лексических единиц в анкету, то тут мы старались в первой ее части исходить из того, чтобы были представлены характеристики, относящиеся к разным тематическим группам (внешности, характеру, качествам человека), а во второй части — чтобы были представлены общеизвестные зооморфизмы.

Некоторые из зооморфных метафор представляли для нас особый интерес, а именно: 1) *заяц* — в словарях русского языка представлено только метафорическое значение ‘безбилетный пассажир, зритель и т. п.’, но по нашим предварительным наблюдениям этот зооморфизм функционирует в речи совсем в ином значении; хотелось на практике убедиться в неполноте и неточности словарного описания; 2) *овца* и *siiga* {свинья} — в речи функционируют в иных, чем указано в словарях, переносных значениях; 3) *крыса/rott* — требовали выявления более точных семантических характеристик, поскольку в лексикографических источниках представлены неопределенные дефиниции, которые ничего не говорят о характере их использования в отношении конкретного человека; к категории зооморфизмов, нуждающихся в семантическом уточнении, может быть отнесен и зооморфизм *kits* {коза}; 5) два

эстоноязычных зоонима — *harakas* {сорока} и *hobune* {лошадь} — совсем не отражены в словарях как отдельные зооморфизмы, а представлены только в сравнительных оборотах — хотелось проверить, насколько эти метафоры как отдельные единицы знакомы носителям эстонского языка; б) ласковые именованя почти совсем не фиксируются словарями, поэтому нами ставилась задача сбора и анализа единиц этой группы.

Опрос проводился в разных возрастных группах. Опрос русскоязычных респондентов проводился среди учащихся Тартуского Русского Лицея (17–18 лет), студентов Нарвского колледжа и Тартуского университета (20–29 лет), а также среди взрослых людей, проживающих в городе Выру (30–50 лет). Эстоноязычный опрос проводился среди учеников Вырусской гимназии им. Ф. Р. Крейцвальда (16–17 лет), студентов Тартуского и Сельскохозяйственного университетов (20–29 лет) и взрослых людей, проживающих в Тарту и Выру (30–50 лет).

Все ответы были первично расклассифицированы по трем возрастным категориям, названным условно «Ученики», «Студенты» и «Взрослые», и в соответствии с этим сделаны подсчеты словоупотреблений (указаны в скобках после каждого ответа).

Всего в анкетировании приняло участие 300 человек (150 русскоязычных и 150 эстоноязычных респондентов), по 50 человек в каждой возрастной категории. Кроме того, нами учитывался и гендерный фактор. В *Таблице 1* можно видеть, сколько женщин и мужчин приняло участие в анкетировании.

Таблица 1

Язык:	Рус.		Эст.	
	Ж	М	Ж	М
Ученики:	27	23	26	24
Студенты:	44	6	27	23
Взрослые:	37	13	37	13
Всего:	108	42	90	60

Для подавляющего числа русскоязычных респондентов русский язык являлся родным, кроме трех участников опроса, назвавших в качестве родного эстонский (2 человека) и чешский (1 человек) языки. В эстоноязычном опросе три

респондента указали в качестве родного русский язык. Стоит сразу отметить, что их ответы абсолютно не отличались от ответов остальных респондентов из их языковой группы, поэтому их анкеты не рассматривались отдельно.

Настоящая глава разделена на три подглавы (2.1., 2.2., 2.3.), каждая из которых соотносится с соответствующими частями анкеты (см. Приложение). Таким образом, в первой подглаве «Характеристика человека → зооморфизм» анализируются зооморфизмы, с которыми связываются в сознании говорящих определенные характеристики человека, во второй — «Зооморфизм → характеристика человека» — реальные семантические показатели зооморфизмов, собранных по словарям, а в третьей — «Зооморфизмы-обращения» — рассматриваются ласковые обращения.

В первой подглаве жирным шрифтом и прописными буквами мы даем определение в виде имени прилагательного (именно оно содержится в анкете), а затем после тире строчными буквами соотносимый с ним словарный зооморфизм. Для облегчения сопоставления значений в обоих языках эстонские зооморфизмы приводятся также в переводе на русский язык (он помещен в фигурных скобках). Если в словарном толковании зооморфизма данная характеристика присутствует несколько раз, то и «отправных» зооморфизмов может быть несколько. Подчеркнем, что словарный зооморфизм, корреспондирующий с заданным определением, не приводился в анкете.

Ниже по каждой возрастной группе будут приведены зооморфизмы как реакции на каждое определение (*злой, глупый, сильный* и т. д.). В скобках помещены данные относительно упоминания отдельных зооморфизмов. В последней графе «Сходство со словарями» помещены случаи совпадения анкетных реакций (характеристика – зооморфизм) с данными словарей.

Мы решили в этой части привести все варианты зооморфизмов, которые встречались в ответах, чтобы показать их разнообразие и объем данной лексико-семантической группы.

Во второй подглаве анализируются характеристики, которые были приведены респондентами на заданные нами зооморфизмы. Для каждого заглавного слова по указанным словарям приводится значение зооморфизма, чтобы можно было сопоставить его с тем определением, которое дали респонденты. Словарная дефиниция эстонского зооморфизма приводится также в русском переводе (в фигурных скобках).

Затем по возрастным группам приводятся количественные данные относительно совпадений со словарями.

Отметим, что если ответы были синонимичными, мы группировали их, напр., *глупый, тупой, не очень умный, несообразительный* и т. д. рассматривались как однотипный ответ, отражающий одну и ту же семантику 'глупый'.

В третьей подглаве рассматриваются зооморфные ласковые обращения. Каждый участник опроса должен был написать, как, по его мнению, можно ласково обратиться к лицам женского и мужского пола. Нашей же целью было расклассифицировать собранный материал в зависимости от семантики зоонимов, испытывающих метафоризацию, и описать морфологические средства, участвующие в словообразовании параллельно с метафоризацией. По предварительным замечаниям именно эта группа лексем демонстрирует яркое словообразовательное творчество.

Также как и в предыдущих подглавах, в третьей части данной главы эстонские зооморфные ласковые обращения приводятся в переводе на русский язык (он помещен в фигурных скобках). Стоит оговорить, что наш перевод несовершенен, т. к. не всегда возможно подобрать правильную форму, поскольку суффиксальный способ образования слов в русском языке является очень продуктивным (ср. *jänku* — зайчик/зайка/зайчишка и др.). Прежде всего нас интересует внутренняя форма слов и, таким образом, наш перевод дает, прежде всего, представление о семантике прямого значения.

Лексического материала было собрано очень много, поскольку респондентам разрешалось давать неограниченное количество ответов. Таким образом, количество ответов не равно количеству участников опроса.

2.1. ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА → ЗООМОРФИЗМ

ЗЛОЙ/KURI — рус. собака, змея, гадюка; эст. madu {змея}.

УЧЕНИКИ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Единичные ЗМ:

Сходство со словарями:

Волк (30)

Змея

Собака (11)

Собака (11)

Тигр

Змея (1)

Крокодил (2)	Бультерьер	
Бык (2)	Блоха	
	Орангутан	
	Крыса	
	Эст.	
Hunt {волк} (22)	Hani {гусь}	Madu {змея} (1)
Koer {собака} (12)	Kukk {петух}	
Lõvi {лев} (4)	Madu {змея}	
Karu {медведь} (3)	Kotkas {орел}	
Tiiger {тигр} (3)	Kärbes {муха}	
Pull {бык} (3)	Sokk {козел}	
Närg {вол} (2)	Ämblik {паук}	
	Hai {акула}	
	Sääsk {комар}	

СТУДЕНТЫ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Волк (21)	Гризли	Собака (14)
Тигр (14)	Гадюка	Змея (3)
Собака (14)	Крыса	Гадюка (1)
Змея (3)	Индюк	
	Гиена	
	Шакал	
	Пантера	
	Эст.	
Hunt {волк} (26)	Kiskja {хищник}	Madu, uss {змея} (2)
Koer {собака} (6)	Herilane {оса}	
Tiiger {тигр} (3)	Rebane {лиса}	
Karu {медведь} (3)	Kalkun {индюк}	
Lõvi {лев} (2)	Okassiga {дикообраз}	
Madu, uss {змея} (2)	Skorpion {скорпион}	
	Tuvi {голубь}	

Kukkurkurat {сумчатый
черт}
Kukk {петух}
Närg {вол}

ВЗРОСЛЫЕ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Волк (22)
Собака (17)
Змея (3)
Тигр (2)
Медведь (2)

Единичные ЗМ:

Индюк
Гад
Паук
Кошка
Пантера
Кобра
Росомаха
Лев

Сходство со словарями:

Собака (17)
Змея (3)

Эст.

Koer {собака} (21)
Hunt {волк} (20)
Pull {бык} (4)
Hani {гусь} (3)

Oinas {баран}
Madu {змея}
Närg {вол}
Kass {кот, кошка}
Tiiger {тигр}
Lõvi {лев}

Madu {змея} (1)

ГЛУПЫЙ/RUMAL — рус. баран, осел/ишак, теленок, тетеря, козел, индюк, корова; эст. oinas, eesel, orikas, lammas, vasikas, kana, hani {баран, осел, боров, овца, теленок, курица, гусь}.

УЧЕНИКИ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Баран (14)
Осел (9)
Курица (6)

Единичные ЗМ:

Голубь
Индюк
Кролик

Сходство со словарями:

Баран (14)
Осел (9)
Индюк (1)

Овца (5)	Лебедь
Обезьяна (3)	Мышь
Рыба (2)	Скунс
Заяц (2)	Лось
Олень (2)	Хомяк
	Дятел

Эст.

Lammas {овца} (37)	Niir {мышь}	Lammas {овца} (37)
Eesel {осел} (5)	Kana {курица}	Eesel {осел} (5)
Jānes {заяц} (4)	Kutsikas {щенок}	Kana {курица} (1)
Lehm {корова} (2)	Konn {лягушка}	Oinas {баран} (1)
Kala {рыба} (2)	Oinas {баран}	
Koer {собака} (2)	Kaamel {верблюд}	
	Laiskloom {ленивец}	
	Naug {щука}	

СТУДЕНТЫ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Осел (16)	Гусь	Осел (16)
Овца (12)	Козел	Баран (11)
Баран (11)	Мартышка	Индюк (2)
Курица (5)	Заяц	Козел (1)
Утка (2)	Медведь	
Обезьяна (2)	Коза	
Рыба (2)	Голубь	
Индюк (2)	Шакал	

Эст.

Lammas {овца} (32)	Kala {рыба}	Lammas {овца} (32)
Eesel {осел} (14)	Rõder {лось}	Eesel {осел} (14)
Kana {курица} (4)	Konn {лягушка}	Kana {курица} (4)
Ahv {обезьяна} (4)	Siga {свинья}	Hani {гусь} (2)

Lehm {корова} (3)	Niir {мышь}
Karu {медведь} (2)	
Jänes {заяц} (2)	
Nani {гусь} (2)	

ВЗРОСЛЫЕ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Осел (15)	Свинья	Осел (15)
Овца (15)	Черепаха	Баран (5)
Баран (5)	Страус	Индюк (1)
Пингвин (3)	Хамелеон	
Дятел (2)	Заяц	
Мартышка (2)	Курица	
Хомяк (2)	Индюк	
Мышонок (2)	Кот	
Коза (2)		

Эст.

Lammas {овца} (31)	Oinas {баран}	Lammas {овца} (31)
Eesel {осел} (6)	Kana {курица}	Eesel {осел} (6)
Nani {гусь} (5)	Kalkun {индюк}	Nani {гусь} (5)
	Rebane {лиса}	Oinas {баран} (1)
	Koer {собака}	Kana {курица} (1)
	Lehm {корова}	

ТОЛСТЫЙ/РАКС — рус. жаба, боров, кабан, слон, корова, бегемот; эст. radakonn, orikas {жаба, боров}.

УЧЕНИКИ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Свинья (13)	Кит	Слон (8)
Слон (8)	Поросенок	Бегемот (6)
Бегемот (6)	Хомяк	Корова (5)

Медведь (5)	Пингвин	Кабан (4)
Корова (5)	Гиппопотам	
Кабан (4)	Панда	
Морж (2)	Тюлень	
	Бык	
	Эст.	
Lehm {корова} (23)	Hamster {хомяк}	—
Siga {свинья} (19)	Vasikas {теленок}	
Karu {медведь} (7)	Metssiga {кабан}	
Jõehobu {бегемот} (5)	Hüljes {тюлень}	
Elevant {слон} (4)		
Morsk {морж} (3)		
Mammut {мамонт} (2)		
Vaal {кит} (2)		

СТУДЕНТЫ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Свинья (18)	Боров	Корова (12)
Корова (12)	Бык	Слон (9)
Слон (9)	Хомяк	Бегемот (7)
Бегемот (7)	Панда	Кабан (2)
Медведь, мишка (4)	Индюк	Боров (1)
Кабан (2)	Тюлень	
	Гиппопотам	
	Эст.	
Siga {свинья} (23)	Ninasarvik {носорог}	—
Lehm {корова} (15)	Hüljes {тюлень}	
Elevant {слон} (11)	Karu {медведь}	
Jõehobu {бегемот} (6)	Laiskloom {ленивец}	
Vaal, vaalaskala {кит} (5)	Pingviin {пингвин}	
Metssiga {кабан} (2)	Hani {гусь}	

ВЗРОСЛЫЕ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Бегемот (19)	Панда	Бегемот (19)
Свинья, свиноматка (11)		Слон (10)
Слон (10)		Кабан (4)
Кабан (4)		Боров (4)
Медведь (4)		Корова (2)
Боров (4)		
Поросенок (2)		
Корова (2)		

Эст.

Siga {свинья} (22)	Põrsas {поросенок}	Orikas {боров} (1)
Elevant {слон} (11)	Lehm {корова}	
Jõehobu {бегемот} (6)	Kõuts {кот}	
Karu {медведь} (3)	Part {утка}	
Mammut {мамонт} (2)	Orikas {боров}	
Nani {гусь} (2)	Hüljes {тюлень}	

СИЛЬНЫЙ/TUGEV — рус. медведь, орел, жеребец, лев; эст. pull, sõnn {бык}.

УЧЕНИКИ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Лев (21)	Крокодил	Лев (21)
Бык (9)	Волк	Медведь (7)
Медведь (7)	Конь	
Слон (6)		
Лошадь (5)		
Тигр (3)		
Муравей (2)		
Горилла (2)		

Эст.

Karu {медведь} (32)	Siil {еж}	—
---------------------	-----------	---

Lõvi {лев} (8)

Nobune {лошадь} (7)

Närg {вол} (6)

Põder {лось} (2)

Tiiger {тигр} (2)

Kaelkirjak {жираф}

Gorilla {горилла}

Hüään {гиена}

Elevant {слон}

Vaal {кит}

СТУДЕНТЫ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Лев (15)

Медведь (11)

Бык (10)

Слон (8)

Вол (2)

Буйвол (2)

Лошадь (2)

Единичные ЗМ:

Лось

Конь

Кит

Тигр

Боров

Сходство со словарями:

Лев (15)

Медведь (11)

Эст.

Karu {медведь} (31)

Närg {вол} (13)

Nobune {лошадь} (8)

Lõvi {лев} (7)

Hunt {волк} (3)

Tiiger {тигр} (3)

Pull {бык} (2)

Gorilla {горилла} (2)

Orangutang {орангутан}

Põder {лось}

Pull {бык} (2)

ВЗРОСЛЫЕ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Лев (14)

Бык (8)

Тигр (8)

Медведь (7)

Единичные ЗМ:

Горилла

Буйвол

Конь

Сходство со словарями:

Лев (14)

Медведь (7)

Лошадь (4)

Эст.

Karu {медведь} (24)

Hunt {волк}

—

Närg {вол} (10)

Röder {лось}

Hobune {лошадь} (9)

Lõvi {лев} (4)

Elevant {слон} (3)

Sipelgas {муравей} (2)

НЕКРАСИВЫЙ/КОЛЕ — рус. мартышка, обезьяна, выдра, крокодил; эст. pärdik {мартышка}.

УЧЕНИКИ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Единичные ЗМ:

Сходство со словарями:

Обезьяна (5)

Шиншилла

Обезьяна (5)

Жаба (4)

Лошадь

Крокодил (3)

Свинья (4)

Утконос

Крокодил (3)

Лев

Креветка (3)

Носорог

Паук (3)

Лягушка

Тюлень (2)

Сова

Таракан (2)

Палтус

Крыса (2)

Верблюд

Змея (2)

Морской слон

Петух (2)

Рыба

Курица (2)

Ленивец

Козел (2)

Лангуст

Слизняк (2)

Эст.

Siga {свинья} (12)

Ninasarvik {носорог}

—

Lehm {корова} (9)

Opossum {опоссум}

Rott {крыса} (5)

Skunk {скунс}

Ämblik {паук} (2)

Bulldog {бульдог}

Kärnkonn, konn {жаба, лягушка} (2)	Hobune {лошадь}
Jõehobu {бегемот} (2)	Jaanalind {страус}
Hüüään {гиена} (2)	Kärbes {муха}
Koiott {койот} (2)	Sitasitikas {навозник-землерой}
	Laiskloom {ленивец}
	Sipelgas {муравей}
	Kana {курица}
	Kits {коза}
	Hiiir {мышь}
	Õökull {сова}

СТУДЕНТЫ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Обезьяна (13)
Жаба (6)
Крыса (4)
Гиена (4)
Свинья (3)
Крокодил (2)
Макака (2)
Выдра (2)

Единичные ЗМ:

Горилла
Червь
Курица
Енот
Утенок
Крот
Гусеница
Лошадь
Мышь
Верблюд

Сходство со словарями:

Обезьяна (13)
Крокодил (2)
Выдра (2)

Эст.

Siga {свинья} (10)
Lehm {корова} (7)
Hüüään {гиена} (4)
Ahv {обезьяна} (3)
Krokodill {крокодил} (3)
Mutt, mullamutt {крот} (3)

Metssiga {кабан}
Ninasarvik {носорог}
Šaakal {шакал}
Pardipoeг {утенок}
Nirk {ласка}
Pärdik {мартышка}

Pärdik {мартышка} (1)

Nahkhiir {летучая мышь} (2)	Gorilla {горилла}
Rott {крыса} (2)	Narakas {сорока}
Eesel {осел} (2)	Tüügassiga {бородавочник}
Kährrik, kährrikkoer {енотовидная собака} (2)	Rästik {гадюка}
	Ämblik {паук}
	Laiskloom {ленивец}

ВЗРОСЛЫЕ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Обезьяна (17)	Дикобраз	Обезьяна (17)
Крокодил (7)	Мыртышка	Крокодил (7)
Жаба (4)	Слизняк	Выдра (1)
Шакал (3)	Енот	Мартышка (1)
Крыса (3)	Выдра	
Гиена (2)	Макака	
Креветка (2)	Еж	
	Ленивец	
	Корова	
	Курица	
	Лягушка	
	Свинья	
	Баран	

Эст.

Ahv {обезьяна} (12)	Kala {рыба}	—
Nüääp {гиена} (6)	Nobune {лошадь}	
Kärnkonn, konn {жаба, лягушка} (5)	Karu {медведь}	
Jõehobu {бегемот} (4)	Ninasarvik {носорог}	
Tüügassiga	Kapsauss {гусеница}	

{бородавочник} (4)
 Madu, uss {змея} (3) Kalkun {индюк}
 Siga {свинья} (3)
 Pardipoeг {утенок} (2)
 Krokodill {крокодил} (2)
 Koiott {койот} (2)
 Rott {крыса} (2)

УПРЯМЫЙ/KANGEKAELNE — рус. баран, осел/ишак, козел; эст. oinas {баран}.

УЧЕНИКИ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Осел (21)
 Баран (20)
 Бык (4)
 Кот (3)
 Козел (2)

Единичные ЗМ:

Собака
 Носорог
 Ленивец

Сходство со словарями:

Осел (21)
 Баран (20)
 Козел (2)

Эст.

Eesel {осел} (8)
 Nõune {лошадь} (5)
 Kass {кот, кошка} (4)
 Oinas {баран} (3)
 Lõvi {лев} (3)
 Raabulind {павлин} (2)
 Lammas {овца} (2)
 Hunt {волк} (2)
 Tiiger {тигр} (2)
 Rebane {лиса} (2)

Ämblik {паук}
 Koer {собака}
 Karu {медведь}
 Kaelkirjak {жираф}
 Tigu {улитка}
 Pull {бык}
 Paragoi {попугай}
 Ahv {обезьяна}
 Hani {гусь}
 Merihobu {морж}

Oinas {баран} (3)

СТУДЕНТЫ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Баран (26)

Осел (16)

Козел (4)

Единичные ЗМ:

Заяц

Индюк

Гусь

Лошадь

Коза

Сходство со словарями:

Баран (26)

Осел (16)

Козел (4)

Эст.

Jäär {баран} (14)

Eesel {осел} (7)

Oinas {баран} (3)

Pull {бык} (3)

Kits {коза} (3)

Kass {кот, кошка} (3)

Kana {курица} (2)

Hobune {лошадь}

Vesirott {водяная крыса}

Lõvi {лев}

Sõnn {бык}

Kaelkirjak {жираф}

Ninasarvik {носорог}

Tuvi {голубь}

Härg {вол}

Hani {гусь}

Madu {змея}

Karu {медведь}

Tigu {улитка}

Hüään {гиена}

Oinas {баран} (3)

ВЗРОСЛЫЕ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Осел (36)

Баран (12)

Единичные ЗМ:

Лось

Козел

Бык

Овца

Сходство со словарями:

Осел (36)

Баран (12)

Козел (1)

Эст.

Eesel {осел} (31)

Jäär {баран} (6)

Sokk {козел}

Ahv {обезьяна}

Oinas {баран} (2)

Kass {кот, кошка} (3)	Koer {собака}
Oinas {баран} (2)	Sõnn {бык}
	Rebane {лиса}
	Kits {коза}
	Lammas {овца}

НЕУКЛЮЖИЙ/КОНМАКАС — рус. медведь, тюлень, корова, слон, каракатица; эст. karu {медведь}.

УЧЕНИКИ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Медведь (24)
 Слон (6)
 Пингвин (5)
 Панда (3)
 Гусь (2)

Единичные ЗМ:

Бегемот
 Ёжик
 Тюлень
 Цапля
 Мопс
 Свинья
 Козел
 Хомяк
 Собака
 Заяц

Сходство со словарями:

Медведь (24)
 Слон (6)
 Тюлень (1)

Эст.

Karu {медведь} (21)
 Elevant {слон} (5)
 Eesel {осел} (3)
 Lehm {корова} (3)
 Lammas {овца} (2)
 Mäger {барсук} (2)

Varss {жеребенок}
 Oinas {баран}
 Jõehobu {бегемот}
 Jänes {заяц}
 Panda {панда}
 Tall {ягненок}
 Morsk {морж}
 Siil {еж}
 Hobune {лошадь}
 Tigu {улитка}
 Tibu {цыпленок}

Karu {медведь} (21)

Kutsikas {щенок}
 Lumekoer {лайка}
 Delfiin {дельфин}
 Kits {коза}
 Pull {бык}

СТУДЕНТЫ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Медведь (24)
 Слон (9)
 Бегемот (5)
 Утка (2)
 Гусь (2)
 Курица (2)

Единичные ЗМ:

Панда
 Осел
 Пингвин
 Ленивец
 Цапля
 Жираф
 Индюк
 Баран

Сходство со словарями:

Медведь (24)
 Слон (9)

Эст.

Karu {медведь} (22)
 Elevant {слон} (19)
 Jõehobu {бегемот} (3)
 Kõrpkonn {черепаха} (2)
 Lehm {корова} (2)

Ahv {обезьяна}
 Opossum {опоссум}
 Hani {гусь}
 Eesel {осел}
 Ringviin {пингвин}
 Kala {рыба}
 Põder {лось}

Karu {медведь} (22)

ВЗРОСЛЫЕ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Медведь (26)
 Слон (8)
 Бегемот (5)
 Панда (2)

Единичные ЗМ:

Курица
 Ворона
 Ленивец
 Крокодил

Сходство со словарями:

Медведь (36)
 Слон (8)
 Корова (1)
 Тюлень (1)

Коала (2)	Макака
Черепаша (2)	Корова
	Кабан
	Утка
	Тюлень

Эст.

Karu {медведь} (19)	Panda {панда}	Karu {медведь} (19)
Elevant {слон} (17)	Kärnkonn {жаба}	
Kilpkonn {черепаха} (3)	Siga {свинья}	
Õökull {сова} (2)	Laiskloom {ленивец}	
Jõehobu {бегемот} (2)	Eesel {осел}	
	Rõder {лось}	

ХИТРЫЙ/KAVAL — рус. лиса, змея, жук; эст. madu, rebane {змея, лиса}.

УЧЕНИКИ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Лиса (43)	Жук	Лиса (43)
Заяц (2)	Змея	Змея (1)
	Верблюд	Жук (1)
	Гусь	
	Крот	
	Мартышка	

Эст.

Rebane {лиса} (48)	Hunt {волк}	Rebane {лиса} (48)
Narakas {сорока} (2)	Jänes {заяц}	
	Kass {кот, кошка}	

СТУДЕНТЫ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Лис, лиса (47)	Кот	Лис, лиса (47)
Змея (3)		Змея (3)

Эст.

Rebane {лиса} (49)	Madu, uss {змея} (2)	Rebane {лиса} (49)
Kass {кот, кошка} (3)	Pves {рысь}	Madu, uss {змея} (2)
Nirk {ласка} (2)		
Narakas {сорока} (2)		
Jānes {заяц} (2)		

ВЗРОСЛЫЕ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Лиса (46)	Кошка	Лиса (46)
	Жук	Жук (1)
	Змея	Змея (1)
	Крыса	
	Гиена	
	Паук	
	Волк	

Эст.

Rebane {лиса} (45)	Kass {кот, кошка}	Rebane {лиса} (45)
Madu, uss {змея} (2)	Nüään {гиена}	Madu, uss {змея} (2)
	Šaakal {шакал}	
	Niir {мышь}	
	Narakas {сорока}	

ПОДЛЫЙ/ALATU — рус. тварь, гадюка, зверь, животное, скот(ина); эст. madu, uss, siga {змея, свинья}.

УЧЕНИКИ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Крыса (23)	Гусь	—
Змея (5)	Кукушка	
Шакал (4)	Комар	
Лиса (4)	Дикобраз	

Козел (3)
Скунс (2)
Волк (2)
Гиена (2)
Овца (1)
Свинья (2)

Эст.

Rebane {лиса} (9)

Puuma {пума}

Madu {змея} (1)

Rott {крыса} (4)

Ahv {обезьяна}

Siga {свинья} (1)

Narakas {сорока} (4)

Koer {собака}

Hunt {волк} (4)

Skunk {скунс}

Kass {кот, кошка} (3)

Niir {мышь}

Ämblik {паук} (2)

Pärdik {мартышка}

Kutsikas {щенок}

Koala {коала}

Madu {змея}

Luik {лебедь}

Hani {гусь}

Pingviin {пингвин}

Elevant {слон}

Konn {лягушка}

Sääsk {комар}

Õobik {соловей}

Siga {свинья}

Siil {еж}

СТУДЕНТЫ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Единичные ЗМ:

Сходство со словарями:

Крыса (10)

Ишак

—

Шакал (10)

Скунс

Гиена (8)

Кот

Змея (5)

Койот

Rebane {лиса} (6)	Hunt {волк}	Madu, uss {змея} (3)
Siga {свинья} (3)	Mäger {барсук}	
Niir {мышь} (3)	Koer {собака}	
Hani {гусь} (3)	Kalkun {индюк}	
Madu, uss {змея} (3)	Kärbes {муха}	
Šaakal {шакал} (2)	Resukaru {енот}	
Hüään {гиена} (2)	Narakas {сорока}	
Kanakull {ястреб-тетеревятник} (2)		
Kobras {бобр} (2)		

ОПЫТНЫЙ/KOGENUD — рус. волк, зубр; эст. hunt, lõvi {волк, лев}.

УЧЕНИКИ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Сова (18)	Пантера	Волк (3)
Волк (3)	Змея	
Филин (2)	Гиена	
Кот (2)	Лошадь	
Тигр (2)	Птица	
Орел (2)	Лев	
Черепашка (2)	Слон	
Попугай (2)	Кабан	
Обезьяна (2)	Гепард	
	Медведь	
	Рыба	
	Ворон	

Эст.

Õökull {сова} (11)	Jänes {заяц}	Hunt {волк} (3)
Koer {собака} (5)	Karu {медведь}	Lõvi {лев} (2)
Kala {рыба} (3)	Ahv {обезьяна}	
Hunt {волк} (3)	Ämblik {паук}	
Lõvi {лев} (2)	Tiiger {тигр}	

Rebane {лиса} (2)	Ahven {окунь}
Kilpkonn {черепаха} (2)	Kilu {килька}
Kass {кот, кошка} (2)	Kana {курица}
Siil {еж} (2)	Kits {коза}
	Rõder {лось}

СТУДЕНТЫ

Рус.

<u>Самые частотные ЗМ:</u>	<u>Единичные ЗМ:</u>	<u>Сходство со словарями:</u>
Сова (12)	Динозавр	Волк (1)
Лев (3)	Удав	
Филин (3)	Лис	
Пес (3)	Крокодил	
Крыса (2)	Слон	
Слон (2)	Коза	
Черепаха (2)	Бобер	
Змея (2)	Леопард	
Медведь (2)	Волк	
	Ворон	
	Олень	
	Кошка	
	Тигр	

Эст.

Õökull {сова} (10)	Nugis {куница}	Hunt {волк} (2)
Koer {собака} (6)	Jänes {заяц}	Lõvi {лев} (2)
Kala {рыба} (5)	Kotkas {орел}	
Kilpkonn {черепаха} (4)	Sisalik {ящерица}	
Karu {медведь} (3)	Piison {бизон}	
Tiiger {тигр} (2)	Kährik {енотовидная собака}	
Rebane {лиса} (2)	Kull {коршун}	
Hunt {волк} (2)	Vares {ворона}	
Siil {еж} (2)		

Lõvi {лев} (2)

Pves {рысь} (2)

ВЗРОСЛЫЕ

Рус.

Самые частотные ЗМ:

Сова (10)

Волк (6)

Лев (5)

Лошадь (3)

Крыса (3)

Кот (3)

Собака (3)

Змея (2)

Воробей (2)

Тигр (2)

Слон (2)

Единичные ЗМ:

Удав

Медведь

Черепаха

Орел

Рысь

Сходство со словарями:

Волк (6)

Эст.

Lõvi {лев} (6)

Koer {собака} (4)

Nobune {лошадь} (4)

Elevant {слон} (4)

Kobras {бобр} (3)

Kilpkonn {черепаха} (2)

Tiiger {тигр} (2)

Kass {кот, кошка} (2)

Hunt {волк}

Kala {рыба}

Karu {медведь}

Sipelgas {муравей}

Õökull {сова}

Orav {белка}

Rebane {лиса}

Lõvi {лев} (6)

Hunt {волк} (1)

ТЕКУЩИЕ ВЫВОДЫ

Из приведенного в данном разделе материала следует, что ко всем заданным нами характеристикам употреблялось довольно много зооморфизмов. Очень много было единичных словоупотреблений, причем нередко экзотических (напр., рус. *утконос*, *креветка*, *росомаха*, *сунс*, *жираф* и мн. др., эст. *puuta* {пума}, *hüään* {гиена}, *pingviin* {пингвин}, *panda* {панда}, *ninasarvik* {номорог} и мн. др.). Это

может указывать на абсолютно разные причины: 1. некоторые из участников опроса, действительно, ситуативно называют разных лиц с помощью окказиональных зоонимов; 2. другие участники опроса могли невнимательно ознакомиться с поставленной задачей и решить, что речь идет не об употреблении конкретных зооморфизмов в речи (лексика), а об индивидуальных зоологических ассоциациях, вызываемых заданной характеристикой (образ); ср. неожиданные реакции на характеристику *злой* — *блоха, бультерьер, орангутан, крыса; хитрый* — *верблюд, гусь, крот, мартышка, кот, гиена, волк, паук* и мн. др.; 3. возможен также элемент юмора (т. е. участники опроса могли несерьезно отнестись к поставленной задаче, пытались пошутить, или писали первое, что приходит в голову).

В целом, ясно одно — зооморфизмы достаточно актуальны для речи русских и эстонцев, особенно молодого поколения.

Обратимся к *Таблице 2*, в которой отражены наиболее частотные ответы.

Таблица 2

Характеристика	Рус.	Эст.
Злой	<i>волк</i> (73 ответа из 164) ²	{ <i>волк</i> } (68 из 164)
Глупый	<i>осел</i> (40 из 168)	{ <i>овца</i> } (100 из 176)
Толстый	<i>свинья</i> (42 из 167)	{ <i>свинья</i> } (64 из 189)
Сильный	<i>лев</i> (50 из 157)	{ <i>медведь</i> } (87 из 188)
Некрасивый	<i>обезьяна</i> (35 из 148)	{ <i>свинья</i> } (25 из 151)
Упрямый	<i>осел</i> (73 из 156)	{ <i>осел</i> } (46 из 140)
Неуклюжий	<i>медведь</i> (74 из 156)	{ <i>медведь</i> } (62 из 156)
Хитрый	<i>лиса</i> (136 из 155)	{ <i>лиса</i> } (142 из 165)
Подлый	<i>крыса</i> (42 из 156)	{ <i>лиса</i> } (25 из 132)
Опытный	<i>сова</i> (40 из 137)	{ <i>сова</i> } (22 из 124)

Как видно из таблицы, самыми частотными зооморфизмами в рус. яз. были следующие: *лиса* для характеристики хитрого человека, *медведь* для неуклюжего человека, *осел* для упрямого человека и *волк* для злого человека; в эст. яз.: *лиса* как характеристика хитрого человека, *медведь* — как наименование сильного, а

² В скобках приведено соотношение одноптипных ответов на общее количество лексем-реакций.

овца — глупого человека. Очень важно подчеркнуть, что в шести случаях из десяти наиболее частотные ответы оказались одинаковыми в обоих языках.

Что касается случаев совпадения анкетной информации со словарными данными, то в русском языке они были в каждой секции, кроме соответствий, предлагаемых к определению *подлый*. Здесь респонденты предлагали самые разные наименования животных, но ни разу не были названы обобщающие наименования типа *зверь, тварь, животное, скот(ина)*, которые приводятся словарями. В эстонском же языке совпадения были абсолютно во всех секциях, но в двух случаях литературные зооморфизмы предлагались только одной возрастной группой. Напр., к определению *толстый* только в группе взрослых был предложен т. н. словарный ответ, к определениям *сильный* и *некрасивый* только ответы студентов совпали с данными словаря.

Приведем случаи, когда происходило полное совпадение данных опроса с данными словарей. Под полным совпадением мы понимаем случаи, когда весь набор словарных зооморфизмов представлен в наборе ответов какой-либо возрастной группы или во всех возрастных группах. В русском языке, напр., в соответствии со словарями, *некрасивого* человека можно назвать *мартышкой, обезьяной, выдрой* и *крокодилем*. Полученные анкеты показали, что только у взрослых людей были представлены все эти четыре зооморфизма. Тут необходимо пояснить, что полное совпадение со словарями не указывает на частотность употреблений зооморфизмов. Иногда словарные зооморфизмы представлены единичными реакциями. Напр., ответы *выдра* и *мартышка* в группе взрослых людей были представлены только по одному разу каждый.

Также полное совпадение со словарями представлено в следующих случаях: *злой* человек был назван *змеей, гадюкой* и *собакой* (т. е. всем набором словарных зооморфизмов) только в группе студентов, у двух остальных групп (ученики и взрослые) были представлены только два зооморфизма — *собака* и *змея*, а *гадюка* не употреблялась ни разу; *упрямого* человека называли *ослом, бараном* и *козлом* все возрастные группы, а *хитрого* человека называли *лисой, змеей* и *жуком* только ученики и взрослые.

На эстонском материале такого рода совпадений было больше. Так, к определениям *злой, упрямый, неуклюжий, опытный* все три возрастные группы предложили полный набор зооморфизмов, представленных в словаре. К определению *хитрый* студенты и взрослые подобрали оба словарных

соответствия (*лиса* и *змея*), а к определениям *сильный* и *некрасивый* — только студенты привели зооморфизмы, находящиеся в словаре.

Однако наиболее важно отметить случаи несовпадения со словарями. Как уже было сказано, полное несовпадение встретилось только один раз, в случае характеристики *подлый*, которую приписывали самым разным животным. Но, как мы видим из нижеприведенных таблиц, высокий уровень несовпадения был и в следующих случаях:

Рус.	Эст.
• злой — <i>волк</i> (73 ответа из 164);	• злой — { <i>волк</i> } (68 из 164)
• глупый — <i>овца</i> (32 из 168);	• толстый — { <i>свинья</i> } (64 из 189)
• толстый — <i>свинья</i> (42 из 167);	• сильный — { <i>медведь</i> } (87 из 188)
• сильный — <i>бык</i> (27 из 157);	• некрасивый — { <i>свинья</i> } (25 из 151)
• некрасивый — <i>жаба</i> (14 из 148);	• упрямый — { <i>осел</i> } (46 из 140)
• неуклюжий — <i>бегемот</i> (11 из 156);	• неуклюжий — { <i>слон</i> } (41 из 156)
• подлый — <i>крыса</i> (42 из 156);	• подлый — { <i>лиса</i> } (25 из 131)
• опытный — <i>сова</i> (40 из 137).	• опытный — { <i>сова</i> } (22 из 124)

О причинах сильного расхождения между данными анкетирования и данными словарей можно высказать ряд аргументированных предположений. 1. Давая ответы на заданную нами характеристику респонденты могли отталкиваться от распространенных в их культуре ассоциаций, связанных с определенными животными. Напр., большинство носителей русского языка считают *волка* злым. В разных сказках и мультфильмах этот персонаж выступает как злое существо, которого все боятся. *Жаба* же представляется нам как существо с бородавчатой кожей и, возможно, именно поэтому она вызывает неприятные ассоциации, в т. ч. связанные с некрасивой внешностью. 2. Несомненно, определенные ответы были вызваны осведомленностью респондентов об устойчивых языковых сравнениях типа *жирный/толстый, как свинья* или *здоровый/сильный, как бык*. С другой стороны, можно предположить, что в некоторых случаях зооморфизм может покидать рамки устойчивого сравнительного оборота и функционировать как самостоятельная лексема

(глупый, как овца > овца, tugev nagu karu > karu). 3. Частотные ответы показывают, что иногда мы наблюдаем рождение новых зооморфизмов. Напр., это касается рус. слова *сова* и эст. *õökull* как устойчивых реакций на характеристику **опытный**, а также эст. *rebane* {лиса}, как реакции на характеристику **подлый**. 4. В случае совершенно редких словоупотреблений стоит предположить, что респонденты отталкивались от своих личных ассоциаций, связанных с определенными животными (ср. пару *неуклюжий* — *бегемот/слон*), а также это может означать несерьезное отношение к содержанию эксперимента.

Проведенная нами работа над первой частью анкеты позволяет сделать ряд важных выводов:

1. Зооморфизмы достаточно актуальны для носителей русского и эстонского языков, особенно для представителей молодого поколения.
2. Данная лексика становится все более частотной, ее объем быстро расширяется и меняется.
3. Лексикографическая практика отстает от живых речевых процессов, многие зооморфизмы возникают «по случаю», окказионально, в этом случае им в словарях литературного языка не может быть места, однако другие зооморфизмы, напротив, закрепляются в языке, и хочется надеяться, что мы увидим их на страницах словарей.
4. Анкетирование выявило возможность влияния одного литературного языка на другой в условиях русско-эстонского контактирования (напр., это справедливо тех эстонских анкет, в которых к характеристике *злой* приводился зооморфизм *собака*, что, скорее всего, может являться семантической калькой с русского языка).
5. В некоторых случаях, по ответам можно судить об «эталонности» тех или иных животных, т. е. какие животные, по представлению местных русско- и эстоноязычных жителей, воплощают определенное качество. «Эталонность» выявляется на основе анализа большого количества одинаковых ответов. Так, напр., качество **хитрость** воплощает зооморфизм *лиса* в обоих языках, а качество **глупость** в эстонском языке воплощает зооморфизм *овца*, тогда как в русском языке на этом месте окажется, скорее всего, зооморфизм *осел*.
6. Анкетирование показало, что литературных зооморфизмов больше в речи студентов и взрослых. Можно предположить, что у этих возрастных групп шире

кругозор, они знакомы с классикой, чаще сталкивались с зооморфизмами, и именно поэтому в этом вопросе компетентнее учеников.

7. Больше всего единичных зооморфизмов наблюдается у молодежи (особенно учащихся), значительно меньше у взрослых. Возможно, это указывает на то, что молодежь стремилась превратить анкетирование в шутку или поле для языкового творчества. Взрослые, скорее всего, отталкивались от своих реальных знаний и если не знали ответа, то просто переходили к следующему вопросу.

2.2. ЗООМОРФИЗМ → ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА

КРЫСА — *прост.* о человеке, вызывающем неприязнь.

ROTT — *halvustavalt inimese kohta* {пренебрежительно о человеке}.

В данном случае в словарях обоих языков мы наблюдаем очень неопределенную дефиницию, которая ничего не говорит о характере использования зооморфизма в отношении конкретного человека, о ситуации употребления.

По причине того, что неприязнь могут вызывать самые разные отрицательные характеристики, напр., *подлый, хитрый, вредный, наглый, противный* и мн. др., на русском материале нам было трудно выделить какой-либо «эталонный» ответ. Интересно, что все лексем-реакции были связаны с отрицательными характеристиками. Самым популярным ответом был *подлый*. Этот ответ встречался 25 раз среди учеников, 24 среди студентов и 16 среди взрослых. Также частотными ответами были следующие: *предатель, хитрый, лжец, жадный, двуличный, коварный, ищет выгоду, грязный* и мн. др. — все характеристики несут в себе негативную оценку и всегда экспрессивно коннотированы. Ответы типа *неприятный, противный, предатель* и т. п. показывают, что *крыса* — это калька с английского языка, в котором этим зооморфизмом называют неприятного человека, предателя, обманщика³.

Мы видим, что говорящие называют *крысой* такого человека, которого в соответствии со словарными данными, скорее, можно назвать *свиньей, скотиной, быдлом*. Думается, что *крыса* в русской разговорной речи — ругательное слово,

³ Rat {крыса} — *informal*, an unpleasant person who deceives others or is not loyal {неприятный, неверный человек, обманывающий других} [CALD: 1048].

семантика которого экспрессивна и размыта, но семантический компонент 'подлый' все-таки доминирует над остальными семами, что пока не нашло отражения в словарях. Ср. в первой части опроса подлого человека большинство респондентов называли именно *крысой*.

Для эстонского слова *rott* также не было ни одной положительной характеристики. В каком-то смысле, наблюдается совпадение анкетной семантики со словарной, поскольку определения типа *varas*, *vastik*, *valelik*, *alatu*, *kade* {вор, противный, лживый, подлый, завистливый} имеют негативный характер, но не пренебрежительный, как указывает словарь. Однако, вызывает удивление то, что самым частотным ответом среди эстоноязычных респондентов был *vaene* {бедный}. Он встретился 10 раз среди учеников, 29 среди студентов и 8 среди взрослых. Причиной этого может являться языковая компетенция респондентов — знание о наличии в языке фразеологизма *vaene kui kirkurott* {бедный, как церковная крыса}. Также популярными ответами были следующие: *varas*, *ihne*, *ahne*, *kogub ja tassib kõik koju* {вор, скупой, жадный, собирает и тащит все в дом} и др. Интересно, что для носителей эстонского языка с крысой связаны представления о воровстве и скупости, чего не отмечено у русских.

ОВЦА — *разг.* о робком, безответном, покорном человеке.

LAMMAS — *rumal või alandlik, alistuv ning arg inimene, tossike* {глупый или покорный и робкий человек}.

Для русских респондентов *овца* выступала наименованием *глупого, тупого, непонятливого, бестолкового* и *безмозглого* человека (41 ответ среди учеников, 43 среди студентов и 41 среди взрослых). Среди студентов и взрослых преобладал также ответ *упрямый, упертый* (по 8 ответов из каждой возрастной группы). Можно предположить, что на зооморфизм *овца* переносится то, что характерно для литературного зооморфизма *баран*⁴. Таким образом, здесь наблюдается полное расхождение со словарными данными. Мы предполагаем, что жаргонно-сленговое *овца*⁵ с предлагаемым здесь значением стало вытеснять словарный омоним. Словарные же характеристики встречались во всех возрастных группах, но в очень малых количествах, напр., только два респондента из группы взрослых отметили, что *овцой* можно назвать робкого, боязливого человека. Словарные

⁴ Баран — об упрямом или глупом человеке [БАС₁: 273].

⁵ Овца — глупая девушка [ССМЖ: 358].

семь 'безответность' и 'покорность' совсем не находят отражения в анкетных характеристиках.

Ответы эстонской части испытуемых полностью совпадают со словарными данными. Самой частотной характеристикой, предлагаемой к зооморфизму *lammas*, была *rumal, aeglase taibuga inimene* {глупый, непонятливый человек} (55 ответов среди учеников, 50 среди студентов и 36 среди взрослых). Тут мы видим совпадение ответов обеих языковых групп. Возможно, что здесь может проявляться влияние эстонского языка на русский. В ответах эстоноязычных студентов и взрослых встречались и остальные характеристики, представленные в словаре — *alandlik* {покорный} (по 7 ответов из каждой возрастной группы) и *arg* {робкий} (по одному ответу), но мы видим их значительное количественное отставание от первой характеристики.

ПАУК — *разг.* о жестоком человеке, эксплуатирующем чужой труд, вымогающем у другого последнее достояние.

ÄMBLIK — *pahatahtliku, kurjade kavatsustega isiku kohta* {о человеке недоброжелательном, со злыми намерениями}.

Ответы показали, что зооморфизм *pauk* либо совсем незнаком участникам опроса и они его совсем не употребляют в своей речи, либо он находится на самой периферии индивидуальной лексической системы всех респондентов. На это указывает то, что ответы были очень разнообразные, среди них встречалось много единичных (и даже совершенно неожиданных) определений. В рус. яз. напр., *угрюмый, тихий, сильный, быстрый, медленный, опасный, работающий, мужественный* и т. д., в эст. яз. — *liikuv, julge, ootamatu, ettevaatlik, tark, purjus* {подвижный, смелый, неожиданный, осторожный, умный, пьяный} и т. д. Самыми распространенными ответами у русских были: среди учеников — *страшный* (8 ответов), среди студентов — *противный, гадкий, омерзительный, пакостный, мерзкий, неприятный* (9 ответов), а среди взрослых — *плетет интриги/сети, интриган* (6 ответов).

У эстонцев самым частотным ответом среди учеников и студентов был *kaval* {хитрый} (8 и 7 ответов), а среди взрослых — *püüab võrku, punub intriige/võrku* {ловит в сети, плетет интриги/сети} (9 ответов).

Интересно, что наиболее частотные характеристики русских респондентов, пусть синонимично (*страшный, противный* и т. д.), соответствуют эстонским словарным данным. Таким образом, здесь может проявляться влияние эстонского

языка на русский. В других случаях многие участники опроса высказывали свои ассоциации, а не пытались дать определение литературному зооморфизму.

РЫБА — о человеке вялом, медлительном, ко всему равнодушном.

KALA — *kõnek. ettevaatliku, osava inimese kohta* {об осторожном, ловком человеке}.

Самыми популярными русскоязычными ответами среди всех возрастных групп были следующие: *молчаливый, неразговорчивый, молчит, безмолвный, мало говорит, немой, необщительный, молчун* (26 ответов среди учеников, 33 среди студентов и 29 среди взрослых). Вероятно, основой для таких ответов послужило знание о литературном сравнительном обороте (ср. *нем/молчит, как рыба*), а также экстралингвистические знания о том, что рыба, по сравнению с другими представителями животного мира, не издает звуков. Также встречались во всех группах ответы с характеристиками *холодный, неэмоциональный, медлительный*, но по сравнению с первой группой ответов, они были представлены в меньшем количестве. Значит, литературное значение сохраняется, но не является доминирующим. Развивается совершенно новое значение — *молчаливый*, никак не связанное со словарным.

У эстоноязычных респондентов самыми популярными были ответы *lühike/halb mälu, unustaja, mäluta* {короткая/плохая память, забывчивый, без памяти} (13 ответов среди учеников, 9 среди студентов и 2 среди взрослых). Причиной такой реакции может являться наличие в эстонском языке выражения *kala mälu* {рыбья память}, берущего начало в традиционном народном представлении о том, что память у рыб очень короткая. Также встречались следующие ответы: *libe, ujub hästi, tuim, tumm* {скользкий, хорошо плавает, равнодушный, немой}, которые происходят из знаний респондентов о самом денотате, т. е. о том, что рыбы не издают звуков, они скользкие на ощупь и способом их передвижения является плавание. Среди самых разных ответов только ответы *osav, tuleb välja igast olukorrast* {ловкий, выйдет из любой ситуации} совпали со словарными данными, но, по сравнению с вышеприведенными ответами, они были представлены в меньшем количестве. Таким образом, можно считать, что зооморфизм *kala* приобрело совсем иное значение, по сравнению с тем, что указано в словаре.

ГУСЬ — *разг.* о человеке, не вызывающем доверия, ненадежном, плутоватом и т. п. (обычно иронически или с оттенком неодобрительности).

HANI — *hlv.* rumal, lihtsameelne inimene, eeskätt naine {глупый, простодушный человек, преимущественно женщина}.

Зооморфизм *гусь*, как и зооморфизм *паук*, был весьма чужим для большинства русскоязычных респондентов. Было очень много разных ответов, напр., *растерянный, странный, страшный, довольный, хвастливый, ленивый, красивый, высокий, голодный* и мн. др. С другой стороны, среди студентов и взрослых преобладал ответ *гордый* (6 ответов среди студентов и 13 среди взрослых), а также *хвастливый* (среди разных групп), что указывает на возможность ассоциаций с фразеологическим выражением *гусь лапчатый*, называющим ловкого, хитрого, изворотливого человека. Не исключено и ассоциативное воздействие со стороны зооморфизма *индюк* ‘гордый, напыщенный человек’. В целом, можно говорить об утрате этим словом литературного значения в разговорном обиходе местных русских.

В эстоноязычных ответах характеристика *rumal* {глупый} имеет полное сходство со словарем, но этот ответ не является доминирующим (всего 16 ответов, из них 4 среди учеников, 7 среди студентов и 5 среди взрослых). Сопоставление той части словарной дефиниции, которая указывает на употребление данного зооморфизма в адрес женщины, невозможно, поскольку в анкетах не были предусмотрены конкретные контексты лексем и нам неизвестно, кого респонденты могли иметь в виду. Самым же частотным ответом был *kuri* {злой} (из 29 ответов 8 среди учеников, 6 среди студентов и 15 среди взрослых). Возможно, что на выбор данной характеристики повлиял тот фактор, что гуси могут ущипнуть и причинить боль, а это, в свою очередь, дает основание считать птицу злой. Вероятно, на эстонской почве формируется новое значение зооморфизма, которое ясно проявится впоследствии.

СОРОКА — о болтливом, шумном человеке; о сплетнице (преим. женщине).

HARAKAS⁶

Русскоязычные ответы показали, что зооморфизмом *сорока* люди чаще всего называют *болтливого, много говорящего* человека. Синонимично эта семантика отражена в лексемах типа: *балабол, болтун, пустослов, болтушка,*

⁶ В словаре эстонского языка *harakas* не представлен как отдельный зооморфизм, а является компонентом сравнительного оборота *kädistama/sädistama nagu harakas* {трещать/щебетать как сорока}.

*тараторка, трепач, много трепещет*⁷, *разговорчивый и говорливый*. Заметим, что большинство синонимичных значений передавались с помощью существительных. Среди учеников такого рода ответов было 23, среди студентов 39, а среди взрослых 35. Мы видим, что литературное значение здесь представлено в хорошей сохранности.

Эстоноязычные ответы к данному зооморфизму разделились на две группы: 1) *meeldivad läikivad riided ja ehted, meeldib ehtida, kannab palju kulda ja muid ehteid, kannab säravaid riideid* {нравятся блестящие наряды и украшения, нравится наряжаться, носит много золота и других украшений, носит яркую одежду}; 2) *räägib liiga palju, lobamokk, lobiseja, kädistab, sädistab* {говорит слишком много, болтун, болтливый, трещит, щебечет}. Первая группа ответов была несколько популярней: 7 ответов среди учеников, 12 среди студентов и 9 среди взрослых. На частотность дефиниций первого типа могло повлиять знание о том, что в народе сорок считают птицами, которые очень любят блестящие предметы и тащат их в свои гнезда. Однако, эта черта не нашла отражения в литературном эстонском языке. Вероятно, и здесь формируется новое значение, но пока что-то определенное еще сказать рано. Вторая группа ответов разделилась следующим образом: 6 ответов среди учеников, 7 среди студентов и 13 среди взрослых. Именно с таким значением представлен зооморфизм *soroka* и в словаре, но только в сравнительном обороте *kädistama/sädistama nagu harakas* {трещать/щебетать, как сорока}. На наш взгляд, зооморфизм *harakas* вполне может занять место в словаре эстонского языка как отдельная лексическая единица.

СВИНЬЯ — *неодобр.* о грязном, неопрятном человеке, неряхе.

SIGA — *hlv.* häbematu, jultunud, alatu inimene {бесстыдный, наглый, подлый человек}.

Самыми частотными ответами в обоих языках были: *грязный, неопрятный, небрежный, нечистоплотный, неряшливый/must* и т. д. (ср. эст.: *räpane, lohakas, kasimatu, korratu*). Такие ответы были даны 30-ю русскими школьниками, 32-мя

⁷ По данным анкет, это окказиональное употребление слова *трепетать* в значении *трещать* — разг., *быстро, без умолку говорить, тараторить*. Интересно, что это слово встречается только у взрослых.

студентами и 35-ю взрослыми. В эстоноязычном опросе таких ответов было 20 среди учеников, 29 среди студентов и 30 среди взрослых.

На русской почве наблюдается хорошая сохранность литературного значения. Ответы респондентов не были неожиданными, т. к. образность, связанная со свиньей в сознании говорящих на разных языках, очень устойчива (всем известно, что свиньи любят валяться в грязи). Значения же, подчеркивающие моральную нечистоплотность человека, встречались, но в малом количестве (напр., единичные употребления типа *подлый*, *некультурный*, *грубый*, *неблагодарный* и под.).

В эстонском языке со словарными данными пересекались следующие ответы: *ebaviisakas*, *mühakas*, *halbade kommetega* {невежливый, грубый, с плохими манерами} (10 ответов среди учеников, 8 среди студентов и 2 среди взрослых) и совпал ответ *alatu* {подлый} (1 ответ среди учеников и 2 среди взрослых). Интересно, что словари ушли вперед от реальной разговорной практики и уже не фиксируют значений типа *must*, *räpane* {грязный, неряшливый}, хотя они являются самыми частотными.

КОЗА — *разг.* о резвой, бойкой девочке, молоденькой девушке.

KITS — *halvustvalt naise kohta* {пренебрежительно о женщине}.

Ответы показали, что употребление зооморфизма *коза* в русском языке семантически тройственно, т. е. преобладали три разных ответа: 1) *глупый*, *тупой*, *не очень умный*; 2) *упрямый*, *упертый*, *строптивый*; 3) *неугомонный*, *прыгучий*, *не сидит на месте*, *активный*, *шустрый*, *непоседливый*, *непоседа*, *егоза*, *суетливый*. Поскольку определения респондентов, соответствующие данному зооморфизму, были употреблены как в форме женского, так и в форме мужского грамматического рода, мы делаем вывод об отнесенности зооморфизма *коза* к лицам обоего пола. Самой значительной была первая группа ответов (16 ответов среди учеников, 13 среди студентов и 11 среди взрослых). Только в третьем случае сохраняется память о литературном значении. Мы видим, что словарное значение непопулярно, но оно известно носителям русского языка в Эстонии. Видимо, в первых двух значениях проявилось влияние молодежно-сленгового *коза*, неодобрительно употребляемого в адрес девушки/женщины⁸. Еще возможно предположить влияние устойчивого сравнительного оборота *упрямый, как козел*.

⁸ *Коза* — девушка, девочка [СМС: 231].

Среди эстоноязычных ответов однозначно доминирует ответ *kaebaja/koputaja* {доносчик} (15 ответов среди учеников, 20 среди студентов и 24 среди взрослых). Можно утверждать, что жаргонно-сленговое *kits* в значении *kaebaja, koputaja* {доносчик}⁹ оказало влияние на общеразговорное употребление этого зооморфизма. Остальные ответы были единичными, напр., *vaikne, nõrk, aeglane, halb, kangekaelne, väle* {тихий, слабый, медленный, плохой, упрямый, быстрый} и мн. др. Надо полагать, что в данном случае сохраняется неконкретизированное словарное значение — *пренебрежительно о женщине*, т. к. большинство ответов несли в себе отрицательные коннотации, однако, выяснить наверняка, к кому реально может быть приложима эта метафора — женщине, мужчине или лицам общего пола, — невозможно, т. к. в эстонском языке для этого отсутствуют явные грамматические показатели, а в анкете не были заданы соответствующие контексты.

ЛОШАДЬ — 1. *разг.* о человеке, который трудится много и напряженно, часто безотказно выполняет работу за других; 2. *разг.* о крупной, нескладной женщине.

HOVUNE¹⁰

Все ответы к зооморфизму *лошадь* разделились на две группы: 1) *много работает, работающий, трудолюбивый, труженник, трудяга, работага, любит работать/tõõkas, tööriigaja*; 2) *сильный, крупный, здоровый, большой, толстый, полный, мощный, огромный, громадный/tugev, suur, paks, massiivne, suuremõõtmeline*. Первая группа характеристик была самой популярной среди русских всех возрастных групп (7 ответов среди учеников, 16 среди студентов и 29 среди взрослых). Здесь мы видим хорошую сохранность литературного значения. Во второй группе характеристик, видимо, проявляется влияние выражений типа *здоров/силен, как конь/бык*. Характеристики коня, быка (крупный, сильный) переносятся на семантически и ассоциативно близкий зооним *лошадь*. Отчасти здесь сказывается и влияние второго литературного значения, но гендерная отнесенность зооморфизма меняется на противоположную или расширяется (с женщины переносится на мужчину/человека).

⁹ *Kits* — *halv. kaebaja, realekaebaja* {*пренебр.* доносчик, ябедник} [ESSR: 104].

¹⁰ В словаре эстонского языка отдельного зооморфизма *hovune* нет, но есть сравнительные обороты *tõõtab nagu hovune* {работает, как лошадь} и *suur kui hovune* {большой, как лошадь}.

В эстонском языке мы наблюдаем такое же разделение ответов на две группы, но по частотности на первом месте оказалась вторая группа: 15 ответов среди учеников, 14 среди студентов и 12 среди взрослых. Таким образом, представленные в словаре сравнительные обороты, скорее всего, функционируют в эстонской речи и, возможно, что иногда могут заменяться на самостоятельные зооморфизмы.

ЗАЯЦ — разг. безбилетный пассажир, зритель и т. п.

JÄNES — 1. *kõnek. piletita reisija* {безбилетный пассажир}; 2. *piltl. argrüks, pelgur* {трус, боязливый человек}.

У зооморфизма *заяц* в обоих языках преобладали только два ответа: 1) рус. *трусливый, пугливый, боязливый, трус, всего боится*/ эст. *arg, arglik, kartlik, pelglik*; 2) рус. *быстрый, шустрый, прыткий*/ эст. *kiire, väle*. Все остальные ответы были единичными, напр., рус. *маленький, тихий, хвостун, ловкий*; эст. *rumal, taimetoitlane, kohmakas, tagasihoidlik* {глупый, вегетарианец, неуклюжий, скромный} и др.

В русском языке в первом из предложенных значений отразилась связь в сознании говорящих лексемы *заяц* с устойчивым сравнением *труслив, как заяц*. Второе толкование может быть вызвано широким кругом ассоциаций и знанием достаточно устойчивых сравнительных оборотов (напр., *бегает, как заяц; шустрый, как заяц, петляет, как заяц*).

В эстонском языке образное словарное значение, характеризующее боязливого человека, хорошо сохраняется в речи респондентов. На это указывает большое количество одинаковых ответов: среди учеников — 19 ответов, среди студентов — 39 и среди взрослых — 35. Как и для русского узуса, здесь актуальна связь с устойчивым сравнением *arg nagu jänes* {труслив, как заяц}.

Зооморфизм *заяц* не ассоциируется у русских и эстонских респондентов с ситуацией безбилетного проезда, безбилетного посещения кинотеатра и т. д. В данном случае, вероятно, надо уже говорить о полной утрате зооморфизмом *заяц/jänes* своего номинативного значения.

ТЕКУЩИЕ ВЫВОДЫ

К рус. зооморфизмам *овца, свинья, сорока, заяц*, а также к эст. *lammas* {овца}, *sig* {свинья}, *kits* {коза} и *jänes* {заяц} было предложено больше всего семантически

близких определений. Это дает нам основание полагать, что данные зооморфизмы являются самыми известными и, возможно, наиболее употребительными в речи носителей двух языков. Интересно, что у носителей неродственных языков возникают почти одинаковые ассоциации, связанные с соответствующими животными.

На рус. зооморфизм *овца* было получено 125 реакций, на эст. зооморфизм *lammas* {овца} — 141. Оба слова характеризуют *глупого, тупого* и т. п. человека. К рус. зооморфизму *свинья* респондентами было предложено 97 семантически и словообразовательно близких толкований, а к эст. *siga* {свинья} — 79. Для носителей обоих языков свинья ассоциируется с *грязным, неряшливым* человеком. К рус. зооморфизму *заяц* было предложено 96 толкований, к эст. *jänes* {заяц} — 93 толкования, касающихся *трусливого* человека. На зооморфизм *сорока* было получено 97 ответов, характеризующих *болтливого, разговорчивого* и т. п. человека, и к зооморфизму *kits* {коза} было дано 59 определений, характеризующих *доносчика*.

Некоторые из вышеприведенных зооморфизмов известны в своих литературных значениях, но есть и случаи, когда наблюдаются серьезные сдвиги по сравнению с литературной семантикой (ср. рус. *овца, заяц*, эст. *siga* {свинья}, *kits* {коза}).

Из словарных русских зооморфизмов только два — *паук* и *гусь*, — скорее всего, были совсем незнакомы участникам опроса. Для эстоноязычных респондентов не слишком известным зооморфизмом также было слово *ämblik* {паук}, хотя предложенные ими ответы типа {*интриган, плетет интриги*} близки зафиксированному в словарях значению — ‘о человеке недоброжелательном, со злыми намерениями’. Как мы видели, к этим зооморфизмам предлагалось очень много самых разных характеристик, далеких от словарных. Именно это и указывает на то, что в разговорной речи эти зооморфизмы используются редко, а их семантика является очень неопределенной.

Теперь перечислим те зооморфизмы, которые демонстрировали самое большое количество однотипных реакций. Для рус. яз. это: 1) *крыса* — ‘подлый человек’; 2) *овца* — ‘глупый, тупой человек’; 3) *рыба* — ‘молчаливый человек’; 4) *сорока* — ‘болтливый человек’; 5) *свинья* — ‘грязный, неряшливый человек’; 6) *заяц* — ‘трусливый человек’. Для эст яз. это: 1) *rott* {крыса} — ‘бедный человек’; 2) *lammas* {овца} — ‘глупый человек’; 3) *siga* {свинья} — ‘грязный человек’; 4)

kits {коза} — ‘доносчик’; 5) *hobune* {лошадь} — ‘сильный, большой человек’; 6) *jänes* {заяц} — ‘трусливый человек’. Такое единое мнение о семантике данных зооморфизмов показывает, что они хорошо знакомы носителям двух разных языков и, возможно, часто ими употребляются. Эти лексемы составляют зооморфную доминанту разговорного лексикона русско- и эстоноязычных жителей Эстонии.

Что касается того, насколько ответы респондентов совпадают со словарными статьями, то тут мы видим, что совпадения присутствуют во всех случаях, но их частотность может варьироваться (т. е. совпадения могут проявляться в большом количестве однотипных ответов или наблюдаются лишь единичные совпадения, которые могут указывать на случайное употребление или низкую степень употребления) или интенсивность употребления высока не во всех группах респондентов (т. е. есть некоторые существенные ограничения со стороны возрастного критерия).

Всеми возрастными группами в рус. яз. близко характеризовались следующие зооморфизмы: *крыса, рыба, сорока, свинья, коза, лошадь*; в эст. яз.: *rott* {крыса}, *lammas* {овца}, *hani* {гусь}, *harakas* {сорока}, *sig* {свинья}, *kits* {коза}, *hobune* {лошадь}, *jänes* {заяц}. Характеристики этих зооморфизмов полностью совпадали со словарными или являлись им синонимичными.

В двух случаях русскоязычные словарные описания были представлены только у одной или двух возрастных групп. Так, *овцой* только в группе взрослых (и в незначительном количестве) называли *послушного, кроткого, робкого, боязливого* человека, а *сорокой* в группе учеников (1 ответ) и студентов (3 ответа) называли человека, отличающегося *шумным поведением*. Последний случай можно считать очень редким. Носители языка именуют *сорокой* именно болтливую человека и сплетника вне зависимости от того, говорит он громко или нет.

В эст. яз. такого рода ограничения со стороны возрастного критерия наблюдались также в двух случаях. Зооморфизмом *sig* {свинья} именовали *подлого* человека только ученики (1 ответ) и взрослые (2 ответа), а зооморфизмом *kala* {рыба} называли *ловкого* человека только ученики (2 ответа) и студенты (3 ответа).

Таким образом, 10 предложенных зооморфизмов употребляются в речи русскоязычных жителей Эстонии лишь отчасти в своих словарных значениях. В

рус. яз. полные расхождения в семантике отмечены для слов: *гусь*, *паук*, *овца*, *заяц*; в эст. яз. полных расхождений не наблюдалось.

Интересны также те случаи, когда в группе «Характеристика человека → зооморфизм» приводится зооним на заданную характеристику, но в группе «Зооморфизм → характеристика человека» к этому же зоониму не предлагается та же характеристика, что приводилась в первой группе. Напр., в рус. яз. опытного человека респонденты называют *крысой*, но в обратной ситуации *крысе* не приписывают характеристику *опытный*, или неуклюжего человека называют *зайцем*, но в обратной ситуации *зайца* не характеризуют как *неуклюжего* человека; в эст. яз. глупого человека называют *kala* {рыба}, а в обратной ситуации слову *kala* не приписывают семантику *глупый* [человек]. Так же и некрасивого человека называют *ämblik* {паук}, а в обратной ситуации этому же зооморфизму не приписывается характеристика *некрасивый*. Надо думать, что такие несоответствия еще ничего не говорят об утрате словом своего словарного значения, но только свидетельствуют об индивидуальных (ситуативных) ассоциациях респондентов.

2.3. ЗООМОРФИЗМЫ-ОБРАЩЕНИЯ

Прежде чем начать анализировать полученные данные анкет, укажем на особое место зооморфизмов-обращений в системе зооморфных метафор. Они относятся к т. н. средствам адресации или обращенности.

Средства адресации, или обращенности, в акте коммуникации выполняют исключительно значимую роль — с их помощью устанавливается связь между субъектами общения. Они могут быть вербальными и невербальными. К вербальным Р. М. Гайсина относит: «1) обращения; 2) некоторые разряды вводных слов (типа «знаете ли», «видите ли» и т. д.); 3) глагольные формы 2 лица в позиции сказуемого; 4) местоименные формы 2 лица в позиции любого члена предложения; 5) наконец, специфическую интонацию, оформляющую некоторые типы высказываний, которые по своей функциональной природе должны быть целенаправленно адресованными (таковы, напр., побудительные и вопросительные предложения)» [Гайсина 1967: 3]. К невербальным средствам можно отнести разного рода телодвижения, жесты и мимику.

В коммуникативных актах обращение является одной из наиболее

частотных единиц адресации. Обращение — это «слово или ряд слов, которыми называют того, к кому обращаются с речью» [Формановская 2000: 83].

Н. И. Формановская предполагает, что «одним из первых речевых действий человека был призыв, зов «другого», привлечение его внимания для последующих речевых действий: побудить наделенного коммуникативной ролью адресата к чему-либо, спросить, сообщить что-либо. <...> Можно думать, что зов, призыв собеседника оказался для разных человеческих сообществ коммуникативной универсалией и развился в категорию обращения, поскольку адресация речи лежит в основе коммуникации» [там же: 84].

В. Е. Гольдин выделяет два вида обращений: первый — обращения-индексы, обозначающие социальные роли (напр., *водитель, Иван Иванович, мама* и др.); второй — обращения-регулятивы (напр., *браток, товарищ, голубчик* и др.). Регулятивы никого не называют, ни на кого не указывают, а только выражают характер отношений между общающимися, тон общения. Специфика регулятива заключается в особой социально-ситуационной ограниченности его употребления. Выбор регулятива зависит от того, кто использует данное обозначение, в отношении к кому он это делает и в какой ситуации это происходит [Гольдин 1987: 92, 94].

Несколько иначе формулирует это же наблюдение В. В. Голикова, указывая на то, что «обращение не только называет адресата речи, но и является индикатором межличностных отношений, обозначая типовое относительное положение адресанта и адресата относительно друг друга и социальной группы в целом. То есть, обращение отражает ролевые функции коммуникантов, выражая равенство или неравенство общественного положения участников речи, соотношение их возраста, пола, степень их знакомства, что доказывает зависимость выбора обращения от сферы общения коммуникантов: от подчеркнуто официальной до фамильярной, интимной» [Голикова 2009: 25].

В силу того, что «говорящий не в состоянии выразить все свои чувства, вызванные данной ситуацией, он экстерииоризирует свое эмоциональное состояние лишь с помощью междометий или обращений» [Гак 1997: 91]. Обращения есть в любом языке. В русском языке содержится довольно большое количество ласковых обращений типа *лапушка, солнышко, золотце, душка, радость моя, горе моё* и др. В эстонском языке количество ласковых обращений значительно меньше (напр., *kullake, musi(ke), musirull, kallis* {золотце, поцелуй(чик), дорогой(-ая)} и

др.), но в обоих языках особое место среди всех обращений занимают и зооморфные метафоры типа *рыбка, ласточка, котёночек, зайка, kiisu, tibi, jänku, linnipiroeg* {киска, цыплёнок, зайка, птенец} и мн. др.

Все обращения снабжены субъективной, т. е. индивидуальной оценкой. По сравнению с социальной оценкой, индивидуальная более подвижна, т. к. на нее влияют разные частные обстоятельства [Ретунская 1989: 82]. Как правильно замечает А. А. Ивин, «вещь, оцениваемая некоторым субъектом положительно, может стать через некоторое время безразличной для него или даже оцениваемой отрицательно; порицаемое может со временем представиться достойным похвалы и т. д.» [Ивин 1970: 33]. Именно это мы и наблюдаем в современной речи, т. е. прежние ласковые обращения типа *радость моя, ангел мой, голубчик* и даже *солнышко, лапушка* заменяются на слова, принадлежащие к совсем иному семантическому классу — зоонимическому.

Т. А. Троянова в своей докторской диссертации заметила, что ласкательные наименования очень редко становятся объектом исследования, поскольку лингвисты причисляют их к словам с неясной метафорической основой. Причинами затруднений при их анализе являются следующие: во-первых, у таких слов нет четко сформулированного переносного значения, во-вторых, с трудом можно вычленишь семы, лежащие в основе метафоризации (автор говорит о «выветренных метафорах») [Троянова 2003: 28]. Словари, как правило, не фиксируют их как особые значения или оттенки значений неметафорических лексем.

В толковых словарях представлено только малое количество ласковых обращений типа *киса, киска, кисонька, котик, кошечка, заишка, птичка, птаха, пташка, голубка, голубок, лебёдушка* и др., в эст. яз. *linniproeg, linnuke(ne), tuvikene, hiirekene, tallekene* {птенец, птичка, голубок/голубушка, мышка, ягнёночек} и др. По причине того, что словари идут на шаг позади реальных языковых процессов, то многих инноваций они не фиксируют (ср. обращения типа *слонёнок, хомячок, бегемотик, зая, oravake, kassikene, jänkuke, lambake* {белочка, кошечка, зайчик, овечка} и мн. др.). Можно сослаться на мнение В. В. Лопатина, о том, что окказиональным словам в словарях не место [Лопатин 1973: 71]. Действительно, ласковые обращения довольно часто являются окказионализмами, и далеко не все они могут быть внесены в словари. Во-первых, обращений очень много, они легко образуют новые формы одного слова при сохранении

экспрессивной семантики. Во-вторых, данная группа лексики постоянно пополняется за счет новых лексем, но и теряет ряд образований.

И все-таки, зооморфизмы-обращения имеют некоторую устойчивую базу, которая может и должна быть отражена в словарях. Ее обнаружению и была посвящена третья часть анкеты.

Напомним, что целью опроса было собрать материал, расклассифицировать его в зависимости от семантики зоонимов, испытывающих метафоризацию, и описать морфологические средства, участвующие в словообразовании параллельно с метафоризацией.

Лексического материала было собрано очень много, поскольку респондентам разрешалось давать неограниченное количество ответов. Большинство обращений повторялись, но были и единичные случаи (напр., рус. обращения к лицам женского пола *жабка*, *змейка*, *пандёныш*, *черепашечка*, *пчёлка* и эст. обращения *rääsuke*, *jaanalind*, *oravake*, *sälu* {ласточка, страус, белочка, жеребёнок} и др.; рус. обращения к лицам мужского пола: *олёнёнок*, *верблюжонок*, *жеребчик*, *муравьишка*, *воронёнок*, аналогичные эст. обращения: *täku*, *suslik*, *mõmmibeebi*, *suksuke* {жеребчик, суслик, мишка, лошадка} и др.).

Среди ласковых обращений к лицам женского пола самыми частотными в рус. яз. были *зайка* (66), *рыбка* (56) и *котёнок* (36); в эст. яз. *kiisu* {киска} (87), *tibu* {цыплёнок} (61), *jänku* {зайка} (18). Среди обращений к лицам мужского пола в рус. яз. лидировали *котик* (58), *зайчик* (45) и *медвежонок* (36); в эст. яз. *härg* {вол} (32), *mõmmi* {мишка} (19), *karu* {медведь} (17).

Интересно, что в рус. яз. обе лексические основы *зай-/зайч-* и *кот-* выступают как одинаково продуктивные, но к ним присоединяются разные суффиксы. При обращении к женщинам — *-к-* (*зайка*), а при обращении к мужчинам — *-ик* (*зайчик*, *котик*). Форма *зайка* выбирается по отношению к женщинам, вероятно, по той причине, что это грамматическая форма ж. р. («грамматический символизм»), т. е. актуализация пола денотата через грамматический род.

Суффикс *-онок*, представленный в обоих случаях — это суффикс наименований детенышей, которые как бы лишены пола (напр., *котёнок* — это невзрослый кот женского и мужского пола одновременно), т. е. тут, напротив, пол денотата как бы исчезает.

В адрес лиц женского пола употребляются зоонимы именно грамматического ж. р. (*зайка, рыбка, киска, черепашечка, уточка, лисонька* и др.), и это происходит вне зависимости от того, кто обращается — мужчина или женщина. Обращения к лицам мужского пола, напротив, в основном имеют форму м. р. (*медвежонок, котик, зайчик, слоник, утёнок, козлик* и др.). Зоонимы, называющие детенышей, встречаются в обоих случаях (*котёнок, лисёнок, мышонок, поросёнок, цыплёнок* и др.), их грамматический род оказывается как бы нерелевантным.

Все ответы дают хорошее представление о словообразовательных тенденциях, наблюдаемых в разговорной речи. Как хорошо известно, «формальными средствами выражения экспрессивности являются аффиксы, но в экспрессивном лексическом фонде среди аффиксов только суффиксы выполняют эту функцию» [Лукьянова 1986: 103]. Все наши зооморфизмы-обращения типа *кошечка, зайчик, лисёнок, рыбонька, тюленьчик*, в эст. яз. *tuvike, linnikene, hobu, kutsu* {голубок/голубушка, птичка, лошадка, собачка} выражают свою экспрессивность именно с помощью деминутивных суффиксов.

Самыми частотными из них в рус. яз. были:

- ик (*бегемотик, слоник, котик*);
- к- (*зайка, киска, рыбка*);
- онок (*зайчонок, мышонок, лисёнок*);
- ечк-/-очк- (*цыпочка, рыбочка, кошечка*).

В эст.яз.:

- ke(ne) (*hiireke, linnuke, pullike, kassikene, jänkukene, tibukene* {мышка, птичка, бычок, кошечка, зайчонок, цыплёнок});
- u¹¹ (*hobu, kiisu, linnu, kutsu, notsu, jänku* {лошадка, киска, птичка, собачка, поросёнок, заяка}).

Значительно более редкими суффиксами являлись:

- оныш (*мопсёныш, пандёныш*);

Стоит отметить, что сам этот суффикс не является окказиональным в русском языке (ср. *детёныш, зверёныш*), но в данных случаях он

¹¹ Деминутивный суффикс -и синонимичен суффиксу -ke(ne), но употребляется значительно реже [EKG: 548].

присоединяется к непродуктивным словообразовательным основам (*монс-* и *панд-*).

-ул' (*зайчуля*, *кисуля*);

Т. Ф. Ефремова характеризует данный суффикс как регулярный и продуктивный. Она поясняет, что он присоединяется к основе мотивирующих имен (чаще — терминов родства), давая на выходе субъективно окрашенные лексемы типа *мамуля*, *сынуля* [ТССЕ: 474]. В нашем случае присоединение словообразовательной единицы происходит не совсем к типичной основе (не к термину родства), но при этом на регулярных словообразовательных основаниях (что также описано у Т. Ф. Ефремовой), а именно прибавление суффикса *-ул'* к основе мотивирующего имени (*зайчик*) происходит посредством усечения финали мотивирующего имени (т. е. суффикса *-ик*). То же наблюдается и в случае: *кисуля* (*кис-ул'-а*) < *киска* (*киск-а*).

-ун' (*кисуня*);

Этот суффикс можно считать синонимичным суффиксу *-ул'*.

-ышек (*воробышек*).

Т. Ф. Ефремова относит данный суффикс к нерегулярным формообразовательным единицам, которые выделяются в именах существительных мужского рода с уменьшительно-ласкательным значением [там же: 511].

В эст. яз. самым редким суффиксом был:

-ik (*mõmmik* {мишка});

С помощью суффикса *-ik* образуются имена существительные трех типов: 1) названия предметов и зоонимы (напр., *kohvik* {кафе}, *päevik* {дневник}, *kesik* {молодая свинья} и др.); 2) антропонимы (напр., *imik* {младенец}, *saadik* {посол}, *söödik* {едок} и др.); 3) деминутивы (напр., *lehmik* 'lehmavasikas' {телёнок}, *kihik* 'õhuke kiht' {тонкий слой}, *laudik* 'väike laut' {маленький хлев} и др.) [EKG: 516–517]. Таким образом, мы видим, что обращение *mõmmik* обретает свою ласкательность именно за счет своего деминутивного значения, т. е. *mõmmik* — это «маленький мишка».

Также одним из частотных случаев в образовании эстонских ласковых обращений было сложения двух основ. Кроме общеизвестных литературных

компози́тов типа *tõipull*, *kassipoeg*, *kodukana* {племенной бык, котёнок, курица-наседка}, здесь используются специфические (но теперь уже достаточно устойчивые) ласковые обращения: *kaisukaru*, *tiigrikutsuke* {плюшевый мишка, тигрёнок} и др. В первом случае (*kaisukaru* < *kaisu-* + *karu*) первая часть образована как усиление глагольной основы *kaisutama* 'обнимать', следовательно ласкательная семантика создается за счет переосмысления лексического значения глагола. Во втором из примеров (*tiigrikutsuke* < *tiigri-* + *kutsu-ke*) определяемая часть *kutsu* в прямом смысле значит 'пёсик, собачка'. В образовании семы ласкательности участвует первичная семантика производящей основы, словообразовательно это поддерживается прибавлением суффикса *-ke*.

Очень большое количество ласковых обращений в эст. яз. было представлено в безсуффиксальном виде: *hiir*, *kass*, *kobra*, *orav*, *härg* {мышь, кот/кошка, кобра, белка, вол} и мн. др.

Тут стоит отметить тот интересный факт, что все эти зоонимы употреблялись и в качестве определений к заданным нами характеристикам (см. гл. 2.1.), ср. толстый — *lehm* {корова}; некрасивый — *sig* {свинья}. Это может указывать на разные причины: 1. участники опроса несерьезно отнеслись к опросу и решили пошутить или написать первое, что пришло в голову; 2. участники могли неправильно понять задание и вместо ласковых обращений написать любые названия животных; 3. нельзя исключать и то, что, возможно, некоторые респонденты при ласковом обращении к собеседнику употребляют в своей речи именно такого рода зооморфизмы.

В зависимости от частотных производящих основ зоонимы распределились следующим образом. Больше всего обращений к женщине образовано в рус. яз. от следующих зоонимов:

заяц — зайчуля, зайка, зайчик, зая, заяшка, зайчонок, заечка, заенька, зайныка (9);

киса (слово восходит к междометию *кис-кис*) — кисонька, кисуня, кисуля, киска (4).

В эст. яз.:

lind {птица} — *linnu*, *linnuke*, *linnukene*, *linnupoeg*, *linnupojake* {птичка, птенец, птенчик} (5);

kass {кошка} — *kassike*, *kassikene*, *kassipoeg* {кошечка, котёнок} (3).

Обращений к мужчинам было больше всего образовано в рус. яз. от следующих зоонимов:

заяц — зая, зайчик, зай, зайка, зайчонок, зайныка (6);

кот — котик, котёнок, котя, коток, котёночек (5).

В эст. яз.:

*mõmmi*¹² — mõmmik, mõmmike, mõmmikene, mõmmibeebi, *karumõmm* {мишка} (5);

karu {медведь} — karuke, karukene, kaisukaru, karupojake, karumõmm {медвежонок, плюшевый мишка} (5).

Таблица 3

Пол:	Ж		М	
	Рус.	Эст.	Рус.	Эст.
Зооним (производящая основа):	заяц	lind {птица}	заяц	mõmmi {мишка}
	киса	kass {кошка}	кот	karu {медведь}

Как мы видим в *Таблице 3*, в рус. яз. обращения, образованные от мотивирующей основы *заяц*, являются универсальными для обоих полов. Это можно объяснить тем, что в большинстве случаев, употребляя зооним *заяц*, мы не различаем пол этого животного (очень редко, в случае актуализации в речи пола объекта номинации, используется зооним *зайчиха*), поскольку в русском языке пол диких животных, чаще всего, нейтрализуется в зоонимах.

Что же касается домашнего животного *кот*, то носители русского языка четко противопоставляют существ женского (*кошка*) и мужского пола (*кот*). Именно поэтому в адрес лиц женского пола чаще употребляется обращение *кошечка*, а также словообразовательные варианты слова *киса*, а в адрес мужчины — образования от зоонима *кот*.

В эстонском языке картина сложнее, т. е., мы видим, что все зоонимы производящих основ разные. В образовании обращений в адрес мужчин

¹² Mõmmi — *lastek.* (mängu)karu {детск. название игрушечного медвежонка}. Слово образовано от междометия *mõmm*. В данной работе рассматривается как зооним, подобно рус. *киса*.

употребляются названия более «сильных» животных, а в адрес женщин более хрупких и маленьких.

Хочется заметить, что некоторые лексемы уже в своем первичном виде (непроизводном) содержат в себе уменьшительный суффикс (точнее, в некоторых случаях исторически он совпал по виду с уменьшительным). Это известно в таких русских словах, как *бабочка*, *ласточка*, *цыплёнок*, *кролик*, в эст. яз. *pääsuke*, *lepatriinu* {ласточка, божья коровка}.

Русскоязычный зооним *ласка* употребляется как ласковое обращение, скорее всего, из-за ассоциаций, вызванных омонимичным словом *ласка* — проявление нежности и любви.

Любопытно, что как в русском, так и в эстонском языках наименование медвежонка переносится на человека. Что касается русской метафоры *мишка*, то это дериват от имени *Михаил*, а именно от его сокращенного варианта — *Миша*. Теоретически эту метафору можно отнести к зоониму *медведь*, ведь в русском фольклоре такой персонаж, как медведь, обычно именуется как *Михайла Иванович* или *Михайла Потапович*. В эстонском языке число подобных обращений больше, ср. *karu*, *karuke*, *karukene*, *kaisukaru*, *karumõmm*, *karupojake* {медведь, медвежонок}. Сюда же можно отнести и обращения *mõmmi*, *mõmmik*, *mõmmike*, *mõmmikene*, *mõmmibeebi* {мишка}. Думается, что все эти метафоры в обоих языках ассоциируются с мягкой игрушкой в виде медведя и именно поэтому этой лексемой называют близкого, любимого человека.

Очень интересным ласковым обращением в эст. яз. является *mõskin* {мышкин}. Тут мы видим явное влияние русского слова *мышка*.

В некоторых случаях для передачи значения ласкательности в эст. яз., в качестве основного компонента сложных лексем выступают слова со значением ‘ребенок’, ‘малыш’ — *karupoeg*, *linnupoeg*, *kanapoeg*, *pääsupoeg*, *mõmmibeebi* {медвежонок, птенец, цыплёнок, птенец ласточки, мишка}.

В ряде эстонских обращений для выражения грамматического значения обращенности используется форма генитива. В нашем случае такими обращениями являются *linnipoja* < *linnipoeg*, *mõmmi* < *mõmm*.

В зависимости от гендерной направленности зооморфных метафор как средств обращенности весь материал можно расклассифицировать по следующим группам.

На материале русского языка

1. Обращения, относящиеся исключительно к лицам женского пола: *заюшка, заечка, заенька, кисонька, кисуня, рыбонька, рыбулька, рыбочка, котенька, лисёнок, лисонька, лиска, обезьяночка, свинка, свинюшенька, коровка, коровушка, мышка, воробушек, бурундучок, хомячок, козочка, черепашечка, курочка, крольчонок, мопсёныш, птичка, голубка, белочка, кошечка, кошка, пандёныш, цыпа, цыпка, лошадоочка, овечка, кобылка, бабочка, ласточка, львёночек, жабка, лебёдушка, ласка, гусыня, уточка, мартышечка, пчёлка, змейка.*
2. Обращения, относящиеся исключительно к лицам мужского пола: *зай, кися, кысик, медведик, козлик, козлёнок, хома, карасик, свинюшка, оленёнок, поросик, утёнок, верблюжонок, кабанчик, гусёк, голубок, крысёнок, журавлик, коток, тигрёночек, слонёнок, львёнок, паучок, воронёнок, рысёнок, тюленьчик, муравьишка, жеребчик, кролик, ослик.*

На материале эстонского языка

1. Обращения, используемые только по отношению к женщинам: *hiir, hiireke, linnu, linnuke, linnukene, linnupojake, paabulind, jaanalind, tuvike, liblikas, õõliblikas, jäneseke, jänkuke, jänkukene, kass, kassike, kassikene, kassipoeg, kiisuke, kiisukene, kits, kitseke, kitsekene, lepatriinu, mõškin, pardike, tibuke, tibukene, mutt, poni, tihane, linavästri, mära, lehm, talleke, kana, kanake, kodukana, varss, sälu, lambake, hobu, kobra, püüton, sipelgas, orav, oravake, madu, luik, pääsuke* {мышь, мышка, птичка, птенчик, пава, страус, голубок/голубка, бабочка, ночная бабочка, заяка (зайчонок, зайчишка), кошка, кошечка, котёнок, киска, коза, козочка, божья коровка, мышка, уточка, цыплёнок, цыплёночек, крот, пони, синица, белая трясогузка, кобыла, корова, ягнёнок, курица, жеребёнок, овечка, лошадка, кобра, питон, муравей, белка, белочка, змея, лебедь, ласточка}.
2. Обращения, используемые только по отношению к мужчинам: *härg, kutsikas, kutsu, karu, karuke, karukene, kaisukaru, karumõmm, karupojake, tiiger, tiigrikutsuke, täkk, täku, täkuke, kukk, kukeke, siga, konn, lõvi, mõmm, mõmmik, mõmmike, mõmmikene, mõmmibeebi, koer, hunt, lammas, rott, eesel, hobune, panter, pull, pullike, tõupull, põdrapull, metsapull, kult, sisalik, mäger, jäär, säga, kala, suslik, susi, kull, põrsas, põssake, ahv, põder, oinas, kikas,*

tõuk, krants, suksuke, notsukene, linnupoja, pääsupoeg, kanapoeg {вол, щенок, собачка, медведь, медвежонок, мишка, тигр, тигрёнок, жеребец, жеребчик, петух, петушок, свинья, лягушка, лев, мишка, собака, волк, баран, крыса, осел, конь, пантера, бык, бычок, племенной бык, лось-самец, буйвол, кабан, ящерица, барсук, баран, сом, рыба, суслик, волк, ястреб, поросёночек, обезьяна, лось, баран, кочет, личинка, дворняжка, лошадка, поросёнок, птеник, птенец ласточки, цыплёнок}.

Из перечисленных метафор, без всякого сомнения, в обоих языках можно вычлени́ть однозначные в гендерном отношении метафоры, которые можно отнести только к лицам одного пола. В рус. яз. к женщинам адресованы преимущественно зооморфные обращения типа: *коровка, коровушка, козочка, курочка, голубка, кошечка, кошка, овечка, кобылка, лошадо́чка, лебёдушка, гусыня, уточка*; в эст. яз.: *tära, lehm, kodukana, kana, kanake* {кобыла, корова, курица, курочка}. В прямом значении они называют животных биологического женского пола, и назвать ими мужчину было бы совсем неуместно. В русском языке их употребление в адрес женщины поддерживается грамматическим показателем женского рода — окончанием *-а*.

То же самое можно сказать и о зооморфизмах, относящихся только к лицам мужского пола. В рус. яз. это преимущественно следующие: *козлик, козлёнок, кабанчик, гусёк, голубок, жеребчик*; в эст. яз. — *härq, täkk, kukk, kukeke, pull, kult, jää, tõipull, põdrapull, metsapull, oinas, täkuke, kikas, pullike, täku* {вол, жеребец, петух, петушок, бык, кабан, баран, племенной бык, буйвол, баран, жеребчик, кочет, бычок, жеребчик}. Они обозначают животных биологического мужского пола и четко ассоциируются с маскулинностью. Адресация их в русском языке к лицам мужского пола основана, в частности, на грамматическом показателе — нулевой флексии.

Остальные обращения (в рус. яз. *заюшка, заечка, муравьишка, хрюшка, кися* и др.; в эст. яз. *kiisu, tibu, jänku, mõtmi, põrsake, põssa, notsu, tiigrike* {киска, цыплёнок, заяка, мишка, поросёнок/поросёночек, тигрёнок}), хоть и находятся в списках, соответствующих определенному полу адресата, свободно могут быть применимы и к другому полу. Так, напр., в рус. яз. *свинюшкой* или *рысёнком*, по нашему мнению, можно свободно назвать не только молодого человека (как следует из анкеты), но и девушку, а, соответственно, *бурундучком* или *мопсёнышем* — не только девушку, но и молодого человека; в эст. яз. *tõtmikene*

{мишка} можно употребить и в адрес девушки, а *kassipoeg* {котёнок} и в адрес молодого человека. Это, прежде всего, наименования детенышей, принадлежащих как бы к среднему полу (ср. в частности, отнесенность во многих языках наименований детенышей к грамматическому среднему роду исторически объясняется тем, что в сознании носителей языка их половые признаки не вполне очевидны и они не достигли половой зрелости). Кроме того, это наименования мелких диких животных, птиц, насекомых, пол которых часто не фиксируется в языковом сознании говорящих. Последнюю разновидность составляют «детские» названия животных и игрушек (*кися, заяка/зая, põssa, jänku, mõmmi* {поросёнок, заяка, мишка}), которые по определению лишены пола. Именно они больше всего распространяются как ласкательные прозвища и обращения для представителей обоего пола. В большинстве рус. примеров такого рода можно говорить о нейтрализации грамматического рода имен существительных.

Что касается признаков переноса с животного на человека, то их выявить достаточно сложно. Все зоонимы, содержащие уменьшительные суффиксы или части слов типа эст. *-poeg, -beebi*, ассоциируются для носителей языка с незрелыми существами, детенышами и их милыми особенностями (симпатичной внешностью, забавным поведением, незащищенностью и т. д.).

Эти животные вызывают эмпатию у всех людей, будучи слабыми, милыми, пушистыми. На основе этого комплекса ассоциаций происходит перенос с названия животного на человека. Метафоры такой категории являются десемантизированными, т. е. первичное значение их утрачено, и слово употребляется только в качестве «пустого» знака, демонстрирующего только хорошее (близкое, родственное, любовное, фамильярное) отношение говорящего к слушающему.

Также надо сказать о том, что в последнее время именно такого рода ласковые обращения рождаются очень часто. Именно в этой области словотворчество достигает большой изобретательности. В словопроизводство вовлекаются малопродуктивные словообразовательные средства и редкие лексические основы. И, в итоге, такого рода обращения «несут положительную эмоциональную окраску, могут приобретать ласкательную, шутливую экспрессию, нести в себе ту или иную характеристику» адресата [Голикова 2009: 26]. С их помощью конкретный адресат выделяется на фоне всех других лиц и

адресатов. Его денотативный статус как бы повышается. Такое окказиональное обращение — еще не имя, прозвище, но уже нечто близкое.

Стоит также отметить, что обращения, как правильно замечает В. Е. Гольдин, «следует считать языковой универсалией, поскольку неизвестны языки, которым это явление было бы не присуще. Оно обслуживает одну из важнейших сторон речевой деятельности: организацию и регуляцию коммуникативных отношений» [Гольдин 1987: 114].

Обсуждаемые зооморфные метафоры употребляются в речи в той же функции, что и остальные обращения — они устанавливают связь между речевыми деятелями. Разница их состоит в том, что благодаря уменьшительным и экспрессивным аффиксальным морфемам они являются выражением более фамильярных отношений между говорящими. Несомненно, что в русском языке роль деминутивных суффиксов намного значительнее, чем в эстонском. Как правильно замечает А. Вежбицкая — «кажется, что они [т. е. уменьшительные формы — Р. П.] встречаются в речи «на каждом шагу» [Вежбицкая 1996: 50]. Эта польская и австралийская исследовательница установила, что «русские считают крайне важным передать все оттенки возникающих между людьми чувств и все перемены и колебания в отношениях между ними» [там же]. Именно поэтому, «находясь с адресатом в определенных личных отношениях, говорящий называет ее *Катя, Катенька, Катюша, Катька, Катюха, Катюшенька* и т. п. в строгом соответствии с силой испытываемого к ней чувства и состоянием отношений между ним и адресатом» [там же: 49]. То же самое мы увидели на примере зооморфных обращений (ср. *котик, котёнок, котя, коток, котёночек*). И именно поэтому так сложно переводить на иностранные языки, в частности, на эстонский, разные суффиксальные варианты русских обращений.

Зооморфизмы-обращения одновременно выполняют как бы три функции: номинативную, характеризующую и в то же время функцию привлечения внимания. Они «борются» с однообразием повседневного словоупотребления и создают особые экспрессивные и оценочные средства, присущие определенному микроколлективу, иногда состоящему только из двух человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ зооморфных метафор, характеризующих человека (по данным анкетирования), показал, насколько разнообразна и выразительна экспрессивная лексика русской и эстонской разговорной речи.

Работа с зооморфизмами была разделена на три части в соответствии с частями проведенного нами опроса среди русско- и эстоноязычного населения Эстонии (ученики, студенты, взрослые). В первой части были исследованы приводимые респондентами зооморфизмы-характеристики на заданные нами характеристики, во второй части была представлена обратная ситуация — анализировались характеристики на заданные нами зооморфизмы, третья часть была посвящена зооморфизмам-обращениям, которые мало фиксируются толковыми словарями.

После решения заявленных во Введении задач мы смогли сделать выводы о том, употребляются ли зооморфизмы в речи в том же значении, какое фиксируют словари, или же они отличаются по семантике; кроме того, мы смогли выявить новые зооморфизмы, не отраженные словарями.

Оказалось, что употребление зооморфизмов-характеристик в разговорной речи обоих языковых групп очень актуально.

Самыми знакомыми зооморфизмами для русских респондентов оказались — *лиса* для характеристики хитрого человека, *медведь* для неуклюжего человека, *осел* для упрямого человека и *волк* для злого человека; для эстонских респондентов — *лиса* как характеристика хитрого человека, *медведь* — как наименование сильного, а *овца* — глупого человека.

В блоке «Характеристика человека → зооморфизм» известные нам по словарям зооморфизмы в основном использовались в литературном значении. Т. н. литературные ЗМ преобладали в речи студентов и взрослых.

Что касается несовпадений со словарями, то оно встретилось всего лишь раз и только в русском языке, когда характеристику *подлый* приписывали самым разным животным (напр., *шакал*, *сунс*, *комар*, *кукушка*, *гиена* и др.). Также высокий уровень несовпадения со словарями был и в следующих случаях:

Рус.	Эст.
• злой — <i>волк</i> (73 ответа из 164);	• злой — { <i>волк</i> } (68 из 164)
• глупый — <i>овца</i> (32 из 168);	• толстый — { <i>свинья</i> } (64 из 189)
• толстый — <i>свинья</i> (42 из 167);	• сильный — { <i>медведь</i> } (87 из 188)
• сильный — <i>бык</i> (27 из 157);	• некрасивый — { <i>свинья</i> } (25 из 151)
• некрасивый — <i>жаба</i> (14 из 148);	• упрямый — { <i>осел</i> } (46 из 140)
• неуклюжий — <i>бегемот</i> (11 из 156);	• неуклюжий — { <i>слон</i> } (41 из 156)
• подлый — <i>крыса</i> (42 из 156);	• подлый — { <i>лиса</i> } (25 из 131)
• опытный — <i>сова</i> (40 из 137).	• опытный — { <i>сова</i> } (22 из 124)

В блоке «Зооморфизм → характеристика человека» самыми известными зооморфизмами оказались: в рус. яз. *овца, свинья, сорока, заяц*; в эст. яз. *latmas* {овца}, *siga* {свинья}, *kits* {коза} и *jānes* {заяц}. К этим ЗМ было предложено больше всего однотипных определений.

Совпадения со словарями присутствовали во всех случаях, хотя их частотность могла сильно варьироваться.

Малоизвестными для русскоязычных респондентов были зооморфизмы *паук* и *гусь*; для эстоноязычных — *ämblik* {паук}. К этим зооморфизмам предлагалось очень много самых разных характеристик, далеких от словарных. С другой стороны, 10 зооморфизмов, предложенных для толкования, употребляются в речи русскоязычных жителей Эстонии лишь отчасти в своих словарных значениях. Так, в рус. яз. полные расхождения в семантике отмечены для слов *гусь, паук, овца, заяц*, в то время как в эст. яз. полных расхождений не обнаружено.

Исследование зооморфизмов-обращений показало высокую степень разнообразия указанных единиц. Оно не представлено ни в одном из словарей. Разумеется, редкие обращения и не могли отразиться в лексикографических источниках, но фиксация самых устойчивых и повторяющихся обращений, кажется, только начинается. Мы выяснили также, что большинство русских ласковых обращений в словообразовательном отношении характеризуются деминутивной суффиксацией. Однако встречаются и случаи усечения

производящей основы (*зая, зай*). В эстонском языке деминутивная суффиксация не столь частотна и вариативна. Эстонскими респондентами в большом количестве ласковые обращения были представлены в безсуффиксальном виде или при их образовании также использовался способ сложения основ.

Такого рода сопоставительное исследование дало нам возможность увидеть, как соотносятся зооморфизмы, приводимые в словарях, с реально функционирующими в речи.

Как кажется, наиболее серьезным достижением настоящей работы является демонстрация обилия и разнообразия зооморфизмов, констатация изменения семантики единиц, представленных в словарях, фиксирование потенциальных возможностей языковой системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесова Н. В. 2010 — Эмоциональность и экспрессивность — категории коммуникативной лингвистики. *Вестник Югорского государственного университета*. Вып. 2 (17). Ханты-Мансийск. С. 5–9.
2. Апресян Ю. Д. 1995 — Образ человека по данным языка: попытка системного описания. *Вопросы языкознания*. № 1. М. С. 37–67.
3. Арутюнова Н. Д. 1997 — Метафора. *Русский Язык. Энциклопедия*. Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М. С. 233–236.
4. Арутюнова Н. Д. 1998 — *Язык и мир человека*. М.
5. Богданов В. В. 1990 — *Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты*. Л.
6. Вежбицкая А. 1996 — *Язык. Культура. Познание*. М.
7. Вольф Е. М. 1988 — Метафора и оценка. *Метафора в языке и тексте*. М. С. 52–65.
8. Гайсина Р. М. 1967 — Средства речевого контакта в современном русском языке. [Автореферат диссертации на соискание учен. степени канд. филол. наук]. Саратов.
9. Гак В. Г. 1997 — Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста. *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. № 3. М. С. 87–96.
10. Галкина-Федорук Е. М. 1958 — Об экспрессивности и эмоциональности в языке. *Сборник статей по языкознанию*. М. С. 103–124.
11. Голикова В. В. 2009 — Функции обращения в семейном дискурсе. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. Вып. 1 (5). Курск. С. 22–27.
12. Гольдин В. Е. 1987 — *Обращение: теоретические проблемы*. Саратов.
13. Гридина Т. А. 1996 — Имена собственные как база языковой игры. *Русский язык в школе*. №3. С. 51–55.
14. Ивин А. А. 1970 — *Основания логики оценок*. М.
15. Литвин Ф. А. 1983 — Экспрессивность как свойство лексико-семантической группы. *Экспрессивность лексики и фразеологии*. Новосибирск. С. 84–93.
16. Лопатин В. В. 1973 — *Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования*. М.

17. Лукьянова Н. А. 1986 — *Экспрессивная лексика разговорного употребления*. Новосибирск.
 18. Лукьянова Н. А. 1991 — Экспрессивность в системе, словаре и речи. *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности*. М. С. 157–178.
 19. Маслова В. А. 2001 — *Лингвокультурология*. М.
 20. Мокиенко В. М. 2008 — *В глубь поговорки*. СПб.
 21. Ретунская М. С. 1989 — Реализация эмоционально-оценочного потенциала слова в речевой деятельности. *Вестник Харьковского ун-та: Сб. науч. тр.* Вып. 339. Харьков. С. 81–85.
 22. Складаревская Г. Н. 2004 — *Метафора в системе языка*. СПб.
 23. Солнцева Н. В. 2004 — *Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте*. [Диссертация на соискание учен. степени канд. филол. наук]. Омск.
 24. Стернин И. А. 1987 — Семантическая основа экспрессивного словоупотребления. *Проблемы экспрессивной стилистики*. Ростов. С. 133–137.
 25. Телия В. Н. 1988 — Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. М. С. 173–204.
 26. Телия В. Н. 1991 — Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц. *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности*. М. С. 33–66.
 27. Троянова Т. 2003 — *Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках*. [Диссертация на соискание учен. степени док. Филос. наук]. Тарту.
 28. Устуньер И. 2004 — *Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках*. [Диссертация на соискание учен. степени канд. филол. наук]. Екатеринбург.
 29. Ухова Л. В. 2001 — *Речевые средства реализации авторского намерения в жанре телеинтервью*. [Диссертация на соискание учен. степени канд. филол. наук]. Ярославль.
- Веб-ресурс: http://www.ahmerov.com/book_1056.html (Дата последнего просмотра: 22.05.2013).

30. Формановская Н. И. 2000 — Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода. *Вестник КрасГУ*. Вып. 11. Красноярск. С. 83–88.
31. Шаховский В. И. 2007 — *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. М.
32. Шаховский В. И. 2008 — *Лингвистическая теория эмоций*. М.
33. Allik J. 1997 — *Psühholoogia lihtsusest*. Tartu.
34. Vainik E. 2001 — *Eestlaste emotsioonisõnavara*. [Magistritöö]. Tln.
35. Vainik E. 2012 — Eesti keele sõnavara afektikalduvus ja mis sellega peale hakata. *Keel ja Kirjandus*. № 8–9. Lk. 644–657.

СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

1. БАС₁ — Словарь современного русского литературного языка. М. Л. 1948–1965.
2. БАС₂ — Гл. ред. К. С. Горбачевич. *Большой академический словарь русского языка*. М. СПб. 2004–.
3. СМС — Т. Г. Никитина. *Словарь молодежного сленга 1980–2000 гг.* СПб. 2003.
4. СовРЯ — Под ред. Е. И. Дибровой. *Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений*. Ч I. М. 2008.
5. ССМЖ — М. А. Грачев. *Словарь современного молодежного жаргона*. М. 2007.
6. ТССЕ — Т. Ф. Ефремова. *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. М., 1996.
7. CALD — *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge. 2005.
8. EKG — M. Erelt, R. Kasik, H. Metslang jt. *Eesti keele grammatika I*. Tln. 1995.
9. EKSS — M. Langemets, M. Tiits, T. Valdre. *Eesti keele seletav sõnaraamat*. Tln. 2009.
10. ESSR — K. Vainola, L. Kaplinski. *Eesti slängi sõnaraamat*. Tln. 2003.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пол: М / Ж

Возраст:

Родной язык: русский / эстонский /.....

Уважаемый участник опроса!

Меня зовут Рина Пейбонен. Я являюсь магистранткой I курса отделения русской и славянской филологии Тартуского университета. Тема моей научной работы «Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русской разговорной речи» и связана она с изучением употребления в речи наименований животных. Заполнив данную анкету, Вы поможете мне в написании научной работы.

NB! Не бойтесь ошибиться или что-то написать неграмотно — этот опрос не проверяет Ваших знаний по русскому языку. Кроме того, **анкетирование проводится в анонимной форме.**

СПАСИБО!

I. Характеризуя человека в речи, мы нередко используем названия животных. Например, медлительного человека можно назвать *черепахой*, а человека, который повторяет одно и то же — *попугаем*.

Какое наименование животного Вы бы употребили по отношению к человеку... ?

- 1) злому —.....
- 2) глупому —.....
- 3) толстому —.....
- 4) сильному —.....
- 5) некрасивому —.....
- 6) упрямому —.....
- 7) неуклюжему —.....
- 8) хитрому —.....
- 9) подлому —.....
- 10) опытному —

II. Какого человека можно так назвать? Опишите его с помощью нескольких прилагательных или описательных конструкций (например, *глупый, ленивый, который много спит, часто ссорится* и т. д.).

- 1) крыса —.....
- 2) овца —.....
- 3) паук —.....
- 4) рыба —.....
- 5) гусь —.....
- 6) сорока —.....

- 7) свинья —.....
- 8) коза —.....
- 9) лошадь —.....
- 10) заяц —.....

III. Обращаясь к человеку, мы нередко используем ласковые выражения. Например, *солнышко*, *лапушка*, *ангелочек*, *душечка* и т. д. Используя какое название животного, можно ласково обратиться к ... ?

- 1) девочке/девушке/женщине —
- 2) мальчику/парню/мужчине —

Sugu: M / N

Vanus:

Emakeel:

Lugupeetud küsitluse täitja!

Olen Tartu Ülikooli Slavistika osakonna magistrant ning palun Teil täita järgnev küsimustik, mille eesmärgiks on uurida eesti keeles kasutusel olevaid inimest iseloomustavaid loomanimetusi ülekantud tähenduses. Teie vastused on suureks abiks minu magistritöö kirjutamisel.

NB! Küsimustik on anonüümne ega kontrolli teie teadmisi eesti keeles. Kirjutada võib kõike, mis seostub küsitavaga, seega ärge kartke eksida või kirjutada midagi valesti.

I. Inimeste iseloomustamisel kasutatakse kõnes tihti loomade nimetusi. Näiteks, kitsi inimest võib nimetada *koiks*. Kas Teie teate, millise loomanimega võib nimetada inimesi, kellele kuuluvad järgmised omadused?

- 1) kuri —.....
- 2) rumal —.....
- 3) paks —.....
- 4) tugev —.....
- 5) kole —.....
- 6) kangekaelne —.....
- 7) kohmakas —.....
- 8) kaval —.....
- 9) alatu —.....
- 10) kogenud —

II. Kirjeldage oma sõnadega, millist inimest võib nimetada järgnevate loomanimedega?

- 1) rott —.....
- 2) lammas —.....
- 3) ämblik —.....
- 4) kala —.....
- 5) hani —.....
- 6) harakas —.....
- 7) siga —.....
- 8) kits —.....
- 9) hobune —.....
- 10) jänes —.....

III. Milliste loomanimedega võib hellitavalt pöörduda järgnevate isikute poole?

- 1) tüdruk/neiu/naine —
- 2) poiss/noormees/mees —

Aitäh!

RESÜMEE

Inimest iseloomustav zoomorfne metafoor vene ja eesti kõnekeeles

(Eestis elavate venelaste ja eestlaste täidetud küsitluste põhjal)

Antud töö on pühendatud inimest iseloomustavate zoomorfsete metafooride uurimisele vene ja eesti kõnekeeles. Bakalaureusetöö põhjal, mille eesmärgiks oli uurida sõnaraamatutes esindatud zoomorfseid metafoore, ei saanud me teha järeldusi metafooride funktsioneerimise kohta kõnekeeles. Seega meie peamiseks ülesandeks oli vastandada ja võrrelda sõnaraamatus esindatud metafoore küsitluse käigus saadud metafooridega.

Küsitlus oli läbi viidud vene ja eesti keelt kõnelevate inimeste seas kolmes vanusegrupis: õpilased, tudengid ja täiskasvanud inimesed (üle 30 eluaasta). Venekeelse küsitluse viisime läbi Tartu Vene Lütseumi õpilaste, TÜ Narva Kolledži ja Tartu Ülikooli tudengite ning täiskasvanute seas Võru linnas. Eestikeelse küsitluse viisime läbi õpilaste seas Võru Kreutzwaldi Gümnaasiumi õpilaste, Eesti Maaülikooli ja Tartu Ülikooli tudengite ning Tartu ja Võru täiskasvanute seas.

Iga vanusegrupi kohta oli 50 ankeeti, seega saime kokku 150 ankeeti iga keelegrupi kohta, mis teeb kokku 300 ankeeti. Kuna vastuste arv ei olnud piiratud, siis oli kogutud materjali maht väga suur.

Küsitlus koosnes kolmest osast (vt. Lisa). Esimeses osas olid antud inimest iseloomustavad tunnused, nt. *kuri, rumal, tugev, kaval, paks* jne ning vastaja pidi nende taha kirjutama vastava loomanimetuse, millega nad sellist inimest nimetaksid. Teises osas oli vastupidine olukord, kui olid antud loomanimetused, nt. *rott, lammas, kala, siga, hobune* jne ning vastajad pidid nende taha kirjutama inimest iseloomustavaid tunnuseid. Kolmas osa oli pühendatud hellitavatele sõnadele ning oli küsitud, mis loomanimega saab hellitavalt pöörduda naissoost ja meessoost isiku poole.

Küsitluse esimene osa näitas, et sõnaraamatutes esindatud metafoore kasutavad rohkem tudengid ja täiskasvanud inimesed. Suur hulk samaväärseid vastuseid näitas, et teatud metafoorid on kõnes väga levinud. Näiteks vene keeles *luca* {rebane} kavala inimese kohta või eestikeelne metafoor *lammas* rumala inimese kohta jne. Õpilaste seas oli rohkem üksikuid vastuseid, mille põhjal ei saa teha järeldusi seoses nende kasutamisega.

Küsitluse teine osa näitas, et kõige tuntumad metafoorid vene keeles olid *овца* {lammas}, *свинья* {siga}, *сорока* {harakas}, *заяц* {jänes}; eesti keeles *lammas*, *siga*, *kits*, *jänes*. Sellele viitab suur hulk sama tüüpi vastuseid küsitletavail. Enamus metafoore ühtisid sõnaraamatus olevate metafooridega.

Küsitluse kolmas osa, mis oli pühendatud hellitavatele sõnadele, näitas, et vene keeles on see sõnavara rohkem tuntud ning selle moodustamisel kasutatakse alati vähendusliiteid. Eesti keeles on vähendusliited esindatud vähem. Kõige sagedasemad vastused pöördumisel naise poole olid vene keeles *зайка* {jänku}, *рыбка* {kalake}, *котёнок* {kassipoeg}; eesti keeles *kiisu*, *tibu*, *jänku*. Mehe poole pöördumisel — vene keeles *котик* {(isa)kassike}, *зайчик* {jänkuke} и *медвежонок* {karupoeg}; eesti keeles *härg*, *mõmmi*, *karu*. Venekeelsed zoomorfsed pöördumised naise poole olid enim moodustatud zoonüümidest *заяц* {jänes} ja *киса* {kiisu}; eestikeelsed pöördumised sõnadest *lind* ja *kass*. Hellitavad pöördumised mehe poole olid vene keeles moodustatud zoonüümidest *заяц* {jänes} ja *кот* {(isa)kass}; eesti keeles sõnadest *mõmmi* ja *karu*.

Üldkokkuvõttes näitas uurimus, et zoomorfsed metafoorid on mõlemas keeles väga aktuaalsed. Samuti andis taoline uurimus meile võimaluse näha sõnaraamatutes esindatud metafooride vastavust kõnekeeles kasutatavate metafooridega.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina _____ Rina Peibonen _____

(*autori nimi*)

(sünnikuupäev: _____02.06.1989_____)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose
_____Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русской и эстонской
разговорной речи (по материалам анкетирования русско- и эстоноязычных
жителей Эстонии)_____

(*lõputöö pealkiri*)

mille juhendaja on _____A. Šteingolde_____

(*juhendaja nimi*)

1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil,
sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse
tähtaja lõppemiseni;

1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks Tartu Ülikooli veebikeskkonna kaudu,
sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja
lõppemiseni.

2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega
isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, _____24.05.2013_____ (*kuupäev*)